

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ИЕРАРХИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА: ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ АНКЕТА*

© 2016

Виктор Самуилович Храковский^{а, @},
Андрей Львович Мальчуков^{а, б}

^аИнститут лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; ^бУниверситет имени Иоганна Гутенберга, Майнц, 55099, Германия; @khrakovv@gmail.com

В статье изложена программа изучения синтагматического взаимодействия грамматических категорий глагола в духе традиций Санкт-Петербургской типологической школы. В основу предлагаемого подхода положены понятие типологической маркированности, учение В. С. Храковского о доминантных и рецессивных категориях и концепция Байби об иерархии глагольных категорий. В рамках предлагаемого подхода ограничения на сочетаемость глагольных категорий определяются общими функциональными факторами, такими как функциональная совместимость, релевантность, избыточность и частная (дистрибутивная) маркированность. Во второй части статьи представлена анкета, нацеленная на описание взаимодействия глагольных категорий (и их грамем) в языках мира.

Ключевые слова: аномальные сочетания грамем, взаимодействие грамматических категорий, вид, время, залог, иерархии грамматических категорий, иерархии маркированности, лицо/число, маркированность, наклонение

HIERARCHY AND INTERACTION OF VERBAL CATEGORIES: RESEARCH PROGRAM AND TYPOLOGICAL QUESTIONNAIRE

Viktor S. Xrakovskij^{а, @}, Andrej L. Malchukov^{а, б}

^аInstitute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; ^бJohannes Gutenberg-Universität Mainz, Mainz, 55099, Germany; @khrakovv@gmail.com

The article presents a research program of the study of interaction of verbal categories couched in the tradition of St. Petersburg Typological School. The developed approach to syntagmatic interaction of verbal categories aims at integrating insights from the studies of typological markedness patterns with the work of V. S. Xrakovskij on dominant and recessive categories, as well as with Bybee's conception of the hierarchy of verbal categories. The suggested approach seeks to constrain syntagmatic co-occurrence of grammatical categories in reliance to such functional factors as functional compatibility, relevance, economy and local markedness. The article also includes a questionnaire designed to guide a systematic investigation of interaction of verbal categories and their grammemes in the world's languages.

Keywords: aspect, hierarchies of verbal categories, infelicitous grammeme combinations, interaction of verbal categories, markedness, markedness hierarchies, mood, number, person, tense, voice

* Мы выражаем признательность Российскому научному фонду за финансовую поддержку проекта «Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие (типологический анализ)», в рамках которого была подготовлена эта статья (грант № 14-18-03406). Мы также благодарим С. Ю. Дмитренко за помощь в работе над этой статьей. Наша особая благодарность анонимным рецензентам, чьи благожелательные и полезные замечания позволили избежать ряда неточностей и неверных формулировок.

1. Проблема взаимодействия грамматических категорий в языкознании

Хотя проблематика взаимодействия грамматических категорий в имплицитном виде затрагивается в любом грамматическом описании — как отдельных языков, так и в общетеоретических и типологических работах — в фокусе внимания исследователей она до последнего времени, как правило, не оказывалась. Сказанное справедливо, прежде всего, по отношению к проблематике синтагматического взаимодействия категорий в пределах одной словоформы. В то же время парадигматическое взаимодействие граммем в составе грамматических категорий является предметом лингвистического описания со времен структурализма. О правилах синтагматического взаимодействия категорий (например, глагольных категорий вида и времени) известно меньше, хотя для отдельных языков и языковых семей подобное описание вполне традиционно (так, например, ни одна грамматика любого славянского языка, в том числе, разумеется, и русского, не обходится без описания «видо-временной системы» глагола).

В рамках структуралистского подхода (см. работы Р. О. Якобсона и его последователей) в центре внимания находились отдельные грамматические категории и в особенности значения («значимости», *valeurs*) граммем в составе категории; такая целевая установка более подходит для описания грамматической системы отдельных языков, чем для целей межязыкового сопоставления. В постструктуралистскую эпоху синтагматическое взаимодействие категорий тоже, как правило, исследовалось «по касательной». В определенном смысле исключение здесь представляют работы по теории грамматикализации [Lehmann 1982; Bybee et al. 1994; Heine, Kuteva 2002; Hopper, Traugott 2003; Bisang et al. 2004; см. также Майсак 2005], в которых изучается типологически наиболее вероятная и, тем самым, частотная эволюция грамматических значений, которая в синхронии предстает в виде регулярных моделей полисемичных форм. В подобных работах отмечались случаи грамматической многозначности, возникающей, например, при развитии перфектива в перфект, а перфекта в показатели прошедшего времени; однако подобная многозначность не всегда связывает разные категории (например, вид и время), и к тому же она не всегда разрешается синтагматическим контекстом.

Наконец, сторонники генеративного направления также специально не занимались этой проблематикой, поскольку основным предметом их изучения является синтаксис, точнее, построение формальных моделей синтаксиса на основе некоторой универсальной теории языка. Впрочем, работы так называемого «картографического направления» [Cinque 2006; Rizzi 2004 и др.] в рамках генеративного подхода, как и работы по формальной семантике, в частности по проблеме композициональности [Hinzen, Werning 2012], внесли определенный вклад в разработку проблематики иерархии грамматических категорий, предложив ряд интересных обобщений, в том числе и типологического характера. В целом, однако, нельзя не согласиться с В. А. Плунгяном, который справедливо считает проблему взаимодействия грамматических категорий одной из наименее разработанных в теории грамматики [Плунгян 2011: 73]. Даже в фундаментальном исследовании И. А. Мельчука эта проблематика специально не рассматривается, хотя отдельные интересные явления описаны в терминах «морфологических фразем» и «заместительного означаемого» морфемы [Мельчук 2001: 50, 57]; в обоих случаях речь идет о проявлениях рецессивности морфемы в терминологии работы [Храковский 1996].

2. Типологические подходы

В последнее время проблема синтагматического взаимодействия привлекает больше внимания, особенно в типологии. Уже Дж. Гринберг [Greenberg 1966] использовал в своих работах понятие типологической маркированности (унаследованное от структуралистов), однако в последующих работах (в частности, В. Крофта и М. Хаспельмата) это понятие

подверглось реинтерпретации и уточнению¹. Во-первых, дополнительно к понятию формальной маркированности (нулевое выражение) и функциональной маркированности добавляется понятие дистрибутивной маркированности, которое понимается как более ограниченная дистрибуция маркированного члена оппозиции в контексте, включая контекст морфологический. Во-вторых, В. Крофт [Croft 1990; 2003] вслед за работой [Tiersma 1982] вводит понятие частной маркированности (local markedness) — избирательные предпочтения разными граммемами различных контекстов, лексических и грамматических. Из этого следует, что маркированность в оппозициях может иметь избирательный характер. Например, у топонимов локативный падеж может быть немаркированным (нулевым), поскольку они предпочтительно употребляются в этом падеже.

Среди типологических работ особо отметим две. Во-первых, это исследование [Aikhenvald, Dixon 1998], где авторы описывают, как выбор граммы одной грамматической категории зависит от выбора граммы другой грамматической категории. Так, выбор числовой формы в определенных случаях может влиять на возможность выражения падежа и наоборот. Отчасти эти ограничения объясняются дистрибутивной маркированностью (маркированный член в большей степени ограничивает выбор), но существуют и другие факторы. В частности, А. Айхенвальд и Р. Диксон отмечают, что отрицание и аспект могут воздействовать на выражение других категорий, например падежа имени (ср. *взять деньги* и *не брать денег*; о взаимодействии глагольных категорий с отрицанием см. [Miestamo 2005]). Таким образом, падеж будет скорее иерархически зависимой категорией (т. е. выбор падежной формы может зависеть от наличия/отсутствия отрицания и выбора определенной аспектуальной формы). Из сказанного следует, что глагольные (точнее, предикативные — clausal) категории будут скорее воздействовать на категории именные, чем наоборот.

Другая работа — статья [Храковский 1996]. В ней, в отличие от работ, связанных с традицией маркированности, взаимодействие понимается более широко. Помимо случаев, когда выбор в рамках одной категории влияет на возможность выражения другой категории (или отдельных граммем другой категории), также рассматриваются случаи, когда выбор в составе одной категории влияет на функцию (или форму) граммем другой категории. В этой работе введены важные понятия доминантной категории (влияющей на выражение функции другой категории) и рецессивной категории (подвергающейся реинтерпретации или запрещенной в контексте другой категории). Хотя этот подход проиллюстрирован на русском материале (наиболее подробно — на примере взаимодействия императива с другими категориями), он имеет явную типологическую ориентацию. В последующем разделе 4 будут приведены примеры взаимодействия, отчасти почерпнутые из этой работы.

3. Иерархия глагольных категорий

Вопрос об иерархии грамматических категорий имеет давнюю традицию, см. историю вопроса в [Храковский 1996; Xrakovskij 2014], однако в типологии он получил наиболее убедительное решение по отношению к глагольным категориям в исследовании [Bybee 1985]. В этой работе, где был поставлен вопрос о типологической мотивации распределения категорий на деривационные и флективные (словообразовательные и словоизменительные), было показано, что уровень фактора лексической релевантности, т. е. степень воздействия соответствующей категории на семантику глагольной основы, не одинаков у разных категорий: релевантность будет явно выше у залоговых или аспектуальных значений в сравнении с наклонением или временем.

¹ Хаспельмат [Haspelmath 2006] обсуждает 12 различных пониманий маркированности (нулевое выражение, фонетическая сложность, семантическая сложность, частотность в употреблении, типологическая частотность и др.) и показывает, что большинство из них обусловлены частотностью в употреблении.

Эти примеры имеют непосредственное отношение к вопросам синтагматического взаимодействия, поскольку показывают, что при прочих равных доминантная категория (в терминах работы [Храковский 1996]) включает рецессивную категорию в свою сферу действия, а не наоборот, см. [Malchukov 2011].

4. Взаимодействие глагольных категорий: несколько иллюстраций

В этом разделе, предвещающем анкету, мы для ясности изложения проиллюстрируем случаи взаимодействия категорий, большей частью на русском материале. При этом мы во многом опираемся на работы [Храковский 1990; 1996; Xrakovskij 2001], где проиллюстрированы возможности этого подхода на материале русского языка, с особым вниманием к взаимодействию императива с другими глагольными категориями. В частности, отмечено, что императив, как правило, является доминантной категорией.

4.1. Императив и время

Простейшим примером нетривиального взаимодействия императива с другими глагольными категориями, который справедлив и для русского языка, и для большинства других языков, является наблюдение, что в императиве временные показатели, как правило, отсутствуют [Храковский 1992; Гусев 2005; Aikhenvald 2010]. Подобный запрет, разумеется, объясняется семантически. Как показывают многочисленные примеры из лингвистической литературы [Бирюлин, Храковский 1992; Xrakovskij 2001; Гусев 2005; 2013; Schalley 2008; Aikhenvald 2010], даже если в том или ином языке выражаются различные значения времени, они обычно отсутствуют в формах императива. И это не удивительно, если учесть, что повелительный речевой акт, естественно, относится к плану будущего. Правда, в некоторых языках формы императива выражают темпоральные значения, относящиеся к будущему времени, но эти значения несколько иной природы, как, например, формы немедленного/дистантного императива в эвенском языке, см. пример из работы [Malchukov 2001]:

- (3) a. *Hör-li!*
идти-IMP.2SG
'Иди (сейчас)!'
b. *Hör-de-j!*
идти-DIST.IMP-REFL.SG
'Иди (позже)!'

Кроме того, граммы временной дистанции нередко реинтерпретируются, приобретая модальную окраску; при этом дистантный императив, как и следует ожидать, воспринимается как имеющий более вежливое значение, чем императив немедленный. Последний предполагает более высокую степень контроля говорящего над адресатом и, соответственно, более высокую степень принуждения; ср. [Aikhenvald 2010: 130—131].

4.2. Императив и вид

Более сложным представляется взаимодействие императива с видом. В частности, есть языки, где в императиве употребляется только одна видовая форма — перфективная или имперфективная, см. [van der Auwera et al. 2009; Мальчуков, Храковский 2015]. Кроме того, в ряде языков наблюдается не запрет на выражение видовых грамм, а их реинтерпретация. Например, в императиве русского языка могут употребляться и перфективные, и имперфективные формы. Однако если в индикативе основной функцией имперфективных форм является выражение длительного действия, то в императиве имперфективные формы

дополнительно могут выражать и ингрессивное значение. Например, фраза *Пиши письмо* чаще выражает значение ‘начинай писать письмо’, а не значение ‘продолжай писать письмо’, что означало бы, что адресат уже находится в процессе написания письма³.

Как показано в работе [van der Auwera et al. 2009], формальная маркированность является еще одним фактором, который способствует выбору аспектуальных форм императива. Так, при равенстве всех остальных условий, выбирается немаркированный вид. Если принять общее мнение, согласно которому имперфектив является функционально немаркированным видом [Jakobson 1957; Бондарко 1971; Мельчук 1998], этим можно объяснить и необычное поведение отрицательного императива в русском языке [Мальчуков, Храковский 2015]. Как показано в [Храковский, Володин 1986: 147—154], в русском языке отрицательный императив (прохитив) регулярно выражается как раз императивами несовершенного вида, а отрицательные формы императива совершенного вида реинтерпретируются, получая превентивную интерпретацию (выражение предостережения):

(4) а. *Не делай ошибок!*

б. *Смотри, не сделай ошибки!*

Сходные случаи употребления отрицательной формы перфективного императива со значением предостережения отмечаются в венгерском (где перфектив также выражается префиксами) и в китайском языке (перфективный показатель — суффикс *le*). В этих случаях также можно усматривать реинтерпретацию маркированной аспектуальной формы в контексте нейтрализации (см. подробнее [van der Auwera et al. 2009]).

4.3. Императив и лицо/(число)

Важно подчеркнуть, что существуют языки (такие как нивхский, кламат, лезгинский, монгольский, японский), в которых лично-числовая парадигма есть у императива, но не у индикатива. Языки же, в которых лично-числовая парадигма есть у индикатива, но не у императива, нам неизвестны, что позволяет сформулировать следующую импликацию: если лично-числовая парадигма есть в индикативе, то она есть и в императиве (обратное неверно) [Храковский, Володин 1986: 87]. В тех языках, где лично-числовые парадигмы есть и в императиве, и в индикативе, они обычно отличаются друг от друга по ряду параметров. Во-первых, лично-числовые показатели императива, как правило, полностью или частично отличаются от аналогичных показателей индикатива (и остальных косвенных наклонений); ср., например, формы 2-го л. императива, имперфекта индикатива и кондиционалиса в финском языке (ед. ч. *anna-Ø-Ø* ‘дай’, *anno-i-t* ‘ты дал’, *anta-isi-t* ‘ты дал бы’; мн. ч. *anta-kaa-Ø* ‘дайте’, *anno-i-tte* ‘вы дали’, *anta-isi-tte* ‘вы дали бы’). Во-вторых, в парадигме императива центральными (и, соответственно, наиболее частотными) являются формы 2-го л., тогда как в парадигме индикатива (и остальных косвенных наклонений) формы 2-го л. не бывают центральными. В-третьих, парадигмы императива и индикатива в очень многих случаях отличаются друг от друга по составу форм. В частности, в императивной парадигме может не быть периферийных форм (например, форм 1-го л. ед. ч. или 3-го л.), хотя в индикативной парадигме и парадигмах остальных косвенных наклонений эти формы обычно есть. Более того, как показано в типологической литературе, наличие/отсутствие лично-числовых форм императива предсказывается определенной универсальной иерархией, в которой правостоящие (более периферийные) формы предполагают наличие левостоящих (более центральных) форм (см. схему 1 ниже).

Вместе с тем в императивной парадигме могут быть формы, которых нет в индикативной парадигме. Имеются в виду формы типа *идем* и *идемте*, из которых первая —

³ Имеются в виду примеры типа: — *Надо*, — *согласилась Валя*. — *Пока садись, пиши письмо командиру* [НКРЯ].

«исключающая» — обозначает, что Агенсом является Говорящий вместе с единственным Слушающим, а вторая — «включающая» — обозначает, что Агенсом является Говорящий вместе со многими Слушающими; соотносимая с этими формами индикативная форма 1-го л. мн. ч. типа *идем* имеет более широкую интерпретацию, обозначая, что Агенсом является Говорящий не только со Слушающим(и), как у императивных форм, но и/или с третьим(и) лицом(-ами).

В-четвертых, для многих периферийных императивных форм характерна многовариантность (типа *давай(те) (будем) читать*), которая обычно не наблюдается в индикативной парадигме. В-пятых, лично-числовые показатели в императивной парадигме, выражая те же этикетные значения, что и в индикативе (типа *Садитесь* при обращении к единственному Слушающему), могут выражать и специфические этикетные значения. Например, в селькупском языке императивные формы переходных глаголов в императивном предложении с прямым дополнением, выступая в своем «собственном» субъектно-объектном спряжении, обозначают приказ (*Ūt tat-äty* ‘Воды принеси’), а выступая в «чужом» субъектном спряжении, обозначают просьбу (*Ūt tat-äš* ‘Воды принеси, пожалуйста’) [Кузнецова и др. 1980: 234—235]. Обратим внимание, что и эти случаи естественно объяснять как взаимодействие категорий (переходности и связанного с ней типа спряжения и наклонения): реинтерпретация и в этом случае направлена на выражение функционально полезных различий (здесь — этикетных значений, важных для императивного акта), т. е. для выражения «удачных сочетаний» грамматических значений.

Что касается лично-числовой парадигмы отрицательных императивных форм, которые принято называть прохибитивными, то она может по составу отличаться от лично-числовой парадигмы императивных форм. Во-первых, двум императивным формам может соответствовать одна прохибитивная форма: например, в языке кламат двум императивным формам 2-го л. ед. и мн. ч. (причем форма ед. ч. может употребляться вместо формы мн. ч., являясь, таким образом, формой общего числа) *qalgi-Ø* ‘иди(те) есть’, *qalgi-at* ‘идите есть’ в прохибитивной парадигме соответствует одна форма, состоящая из императивной формы ед. ч. и неспецифической отрицательной частицы *qay* и являющаяся формой общего числа; ср. *qtanč-a* ‘спи’, *qay qtanč-a* ‘не спи(те)’. Во-вторых, периферийные императивные формы в отдельных случаях могут не иметь соотносимых прохибитивных форм, как, например, в японском языке, где отсутствует прохибитивная форма 1-го л. общ. ч. при наличии в императивной парадигме формы 1-го л. общ. ч. типа *ём-о* ‘почитаем-те/почитаю-ка’.

Наряду с несоответствием лично-числовых форм можно наблюдать несоответствие вариантов этих форм. В лично-числовой парадигме прохибитива число вариантов отдельных форм может быть либо меньше, либо больше, чем в лично-числовой парадигме императива. Так, с одной стороны, в императивную парадигму ряда славянских языков входят и формы НСВ (типа *пой*), и формы СВ (типа *спой*), тогда как в прохибитивную парадигму — только формы НСВ (типа *не пой*), поскольку форма СВ (типа *не спой*) функционирует как превентивная. Выше (см. 4.2) этот случай был нами объяснен как реинтерпретация маркированной аспектуальной формы в контексте нейтрализации.

4.4. Императив и залог

Примером взаимодействия императива и залога является реинтерпретация пассива в императивном контексте. Пассивные императивы во многих языках избегаются по семантическим соображениям (императив предполагает агентивность субъекта, пассивность — исключает); в тех языках, где такие формы возможны, они могут интерпретироваться как пермиссивный каузатив, т. е. эта интерпретация является навязанной (coerced) значением императива. Примеры такой реинтерпретации мы находим и в английском языке: так, согласно работе [Davies 1986: 15] конструкции с пассивным императивом получают рефлексивно-пермиссивную интерпретацию:

- (5) *Be checked by a doctor!*
= ‘Let a doctor check you (Пусть доктор тебя осмотрит)’.

5. Разрешение синтагматических конфликтов: запреты и реинтерпретации

Выше было показано, что граммема императива способна ограничивать употребление граммем других категорий или реинтерпретировать их. Подобные примеры конфликтных сочетаний [Malchukov 2009; 2011; Мальчуков, Храковский 2015], которые разрешаются либо запретом, либо реинтерпретацией рецессивной категории, можно привести и на материале разных категорий из многих других языков. Примером **запрета**, продиктованного правилами семантической совместимости, может служить сочетаемость иллюкутивных и эпистемических наклонений в корейском [Sohn 1994]. Необычной с точки зрения типологии особенностью корейского языка является разведение показателей наклонения и эпистемической модальности (реалиса/ирреалиса) по разным порядкам (чаще эти значения выражаются в рамках одной категории; см. идеализированную категорию наклонения по И. А. Мельчуку, включающую как эпистемические, так и иллюкутивные граммемы; см. об этом П.3.1. ниже). Одна из суффиксальных позиций открыта для показателей реалиса/ирреалиса и эвиденциальных значений (индикатив, ретроспектив, реквестив/субъюнктив и суппозитив), а окончания (sentence-enders) отводятся для показателей иллюкутивной силы высказывания, кумулятивно выражающих также и степени вежливости (декларатив, интеррогатив, императив и пропозитив).

Важно отметить, что не все теоретически возможные комбинации эпистемической модальности и показателей иллюкутивной силы реализуются на практике. Если показатели декларатива и интеррогатива сочетаются с показателями индикатива и «ретроспектива» (комбинирующего темпоральные и эвиденциальные значения) как в примерах (6a—c), то показатели императива и пропозитива (выражающего значения типа ‘давай сделаем’) употребляются с показателями реквестива; см. (6d—e):

- (6) Корейский язык [Sohn 1994: 338, 339, 342, 40, 45]
- a. *Ka-n-ta*
идти-IND-DC
‘Он(а) идет’.
 - b. *Mek-ess-n-unya?*
есть-PST-IND-INT.PLN
‘Он(а) ел(а)?’
 - c. *W-ass-te-la*
приходить-PST-RETR-DC
‘Он пришел (как я заметил)’.
 - d. *Po-si-p-si-o!*
смотреть-SH-AH-REQ-IMP.DEF
‘Посмотри, пожалуйста!’
 - e. *Wuli ilccik ttena-sip-sita!*
мы рано уходить-SH-AH-REQ-PROP
‘Давай уйдем рано!’

Следует отметить, что другие, теоретически вполне возможные, комбинации (декларатива и интеррогатива с реквестивом или императива и пропозитива с индикативом и ретроспективом) в корейском языке отсутствуют [Sohn 1994]. Как будет показано ниже, такие модели,

когда реализуются лишь «естественные» комбинации граммем в отличие от менее естественных сочетаний, представляют собой реализацию принципа локальной маркированности⁴.

В качестве примера **реинтерпретации** рассмотрим один случай нетривиального взаимодействия вида и времени, хорошо известный на славянском материале [Breu 1994], но имеющий общетипологическую значимость; см. [Malchukov 2009; 2014] о «парадоксе перфективного презенса». Поскольку перфективный ракурс семантически несовместим со значением (актуального) настоящего, формы перфективного презенса либо отсутствуют в парадигме глагола, либо одна из форм (временная или аспектальная) реинтерпретируется. В восточнославянских языках рецессивной является категория времени (основным значением презентных форм от перфективных глаголов является футуральное — *сделает*), в южнославянских рецессивным является вид: перфектив получает итеративную реинтерпретацию. См. пример из болгарского языка, заимствованный из работы [Comrie 1976: 69]:

(7) Болгарский

<i>спогледнат</i>	<i>се,</i>	<i>поусмихнат</i>	<i>се</i>	<i>девојки...</i>
взглянуть.PFV.PRES.3PL	REFL	улыбнуться.PFV.PRES.3PL	REFL	девушки

‘Переглянутся, улыбнутся друг другу девушки...’

В работе [Breu 1994] предлагается сходная интерпретация славянских данных и отмечается, что в южнославянских языках в данном контексте время доминирует над видом, а в восточнославянских аспект является доминирующей категорией. Этот подход (и даже терминология) очень близок к концепции работы [Храковский 1996]. О типологии перфективных презентов см. [Malchukov 2009; 2014], а также недавнюю монографию [Аркадьев 2015: 156—161].

6. Факторы, ограничивающие синтагматическое взаимодействие грамматических категорий

Проблему взаимодействия грамматических категорий можно рассматривать с различных точек зрения. В настоящей статье мы в соответствии с подходом Санкт-Петербургской типологической школы (см., например, [Храковский 1990; 1996; Malchukov 2009; 2011]) главное внимание уделяем «синтагматическому взаимодействию» грамматических категорий, в особенности взаимодействию отдельных **граммем**. Этот подход учитывает не только ограничения сочетаемости, но и случаи реинтерпретации граммем в определенном морфологическом контексте. В рамках этого подхода индуцирующая реинтерпретацию граммема называется **доминантной**, а граммема, которая подвергается реинтерпретации, **рецессивной** [Храковский 1990]. Таким образом, мы исходим из того, что граммема является двусторонней единицей. Показатель рецессивной граммемы меняет значение в случае реинтерпретации, а в определенном морфологическом контексте вообще может возникнуть запрет на его выражение (блокировка рецессивной граммемы).

Сочетаемость отдельных граммем зависит от целого ряда факторов [Malchukov 2011]. Один из них — фактор **функциональной совместимости**. Например, в работе [Храковский 1990] делается вывод, что императив выступает в качестве доминантной граммемы в отношении других граммем глагола в связи с тем, что он может вызывать реинтерпретацию или блокировать выражение видо-временных категорий (см. раздел 4 выше). Такая

⁴ В контексте дискуссии об обязательности грамматических категорий В. А. Плуныгин [2011: 70—73] вводит интересное понятие «импликативной реализации граммем», при которой употребление граммем одной категории блокируется граммемами другой категории (например, в русском языке настоящее время блокирует выражение рода, а прошедшее время — выражение лица). Это понятие имеет непосредственное отношение к проблематике взаимодействия категорий, но не полностью эквивалентно нашему пониманию запретов в неудачных сочетаниях граммем, поскольку не мотивировано семантическими запретами/предпочтениями, играющими важную роль в нашем подходе.

реинтерпретация регулярно возникает в контекстах, где сочетание соответствующих граммем функционально недопустимо по семантическим и/или прагматическим соображениям.

Другой фактор — **маркированность**. Речь здесь идет о «дистрибутивной маркированности» в терминах В. Крофта [Croft 1990; 2003]. Предсказывается, что для маркированных граммем (маркированных членов привативных оппозиций) характерна более ограниченная сочетаемость с граммемами других категорий («the number of cross-cutting inflectional distinctions of the unmarked gram is larger as compared to the marked one» [Croft 2003: 95—97]).

Еще одним фактором, имеющим общетипологическую значимость, является **релевантность**: характеристика ситуации (в видовом, временном и прочих планах) является менее релевантной для действий неосуществившихся, чем для действий осуществленных. Этим объясняется, например, характерная для отрицательных форм тенденция редуцировать свою видо-временную парадигму (если сравнивать ее с парадигмой, представленной у утвердительных форм [Aikhenvald, Dixon 1998]). Т. А. Майсак и С. Г. Татевосов [1998] также апеллируют к понятию релевантности для объяснения постепенного нивелирования аспектуальных различий в гипотетических наклонениях в цахурском языке.

Следующий фактор — **избыточность**. Язык избегает выражения избыточных значений, следуя принципу экономии. Если семантическая аномальность объясняет недопустимость сочетания императива с формами прошедшего времени, то избыточность ограничивает сочетаемость форм императива с показателями будущего времени, выражение которого является избыточным в контексте императивных форм.

В работе [Malchukov 2011] рассматривается ряд других, в том числе диахронических факторов, от которых зависит взаимодействие грамматических категорий. Не все из этих диахронических факторов поддаются обобщению. Те из них, которые значимы типологически, в синхронном плане обнаруживаются в частотных моделях полисемии (например, деонтические формы развивают значение императива). В настоящей работе, нацеленной на случаи синтагматического взаимодействия, подобные случаи полисемии последовательно не рассматриваются, но упоминаются для полноты картины. Не являясь очевидными случаями синтагматического взаимодействия, они тем не менее оказываются показательными в плане «удачных» (оптимальных), а не «неудачных» (аномальных) сочетаний: значение одной граммемы интерпретируется (в минимальном контексте) как значение граммемы другой категории. Таким образом, здесь речь идет не о запретах, а о предпочтениях комбинирования граммем отдельных грамматических категорий, которые приводят к регулярным моделям полисемии или кумуляции категорий.

7. Факторы, влияющие на разрешение конфликтных сочетаний

В работах [Malchukov 2009; 2011] предлагается считать, что основными факторами, определяющими, какая из категорий будет доминантной, а какая — рецессивной, являются **сфера действия** (scope) и **маркированность**: при прочих равных условиях категория с широкой сферой действия является доминантной, а немаркированная — рецессивной. Роль первого фактора подтверждается как соображениями семантического порядка (считается, что оператор вызывает реинтерпретацию аргумента, а не наоборот), так и типологического. Как указано выше, императив, который обладает наиболее широкой сферой действия (ср. его позицию в схеме 2), является, что было показано еще в работе [Храковский 1996], доминантной категорией. Сходным образом глагольные и сентенциальные категории (отрицание, время/модальность) в наибольшей степени влияют на другие категории (глагольные и именные) по наблюдениям А. Айхенвальд и Р. Диксона [Aikhenvald, Dixon 1998].

Роль фактора маркированности при разрешении конфликтных сочетаний хорошо известна в типологии [Croft 1990]. Приведем пример из области видо-временных отношений, упомянутый выше — «парадокс перфективного презенса». В тех случаях, когда перфектив является маркированным членом парадигмы, он способен реинтерпретировать временную форму (ср. формы перфективного презенса с футуральной интерпретацией в русском),

если же перфективный аспект не маркирован, то он, как правило, рецессивен. Это хорошо видно из сопоставления русского языка, в котором перфектив маркирован и противопоставлен безпрефиксному имперфективу, и английского, в котором имперфектив («continuous» — *He is writing*) маркирован и противопоставлен немаркированному перфективу («indefinite form» типа *He writes* считается немаркированным перфективом; см., например, [Smith 1997]). Как отмечается в работе [Bache 1995], это объясняет, почему перфективный аспект является доминантным (по отношению к презенсу) в русском, но не в английском языке⁵.

8. Маркированность и иерархии маркированности

В рамках принятого подхода маркированность играет важную роль в описании синтагматического взаимодействия категорий, поскольку позволяет представлять правила взаимодействия в виде иерархий маркированности. Следует подчеркнуть, что маркированность в данном случае понимается как частная/избирательная маркированность (local markedness), регулирующая предпочтения отдельных граммем по отношению к определенным сочетаниям. Те предпочтения, которые проявляют явные типологические тенденции, имеют прозрачное функциональное (семантическое и/или прагматическое) основание: наличие семантически менее (функционально) полезных сочетаний, предполагает наличие более полезных, а наименее полезные (неудачные) сочетания либо устраняются из парадигмы, либо реинтерпретируются.

Так предпочтения и запреты на сочетания императива с показателями лица могут быть представлены в виде следующей иерархии из [van der Auwera et al. 2004; ср. Aikhenvald 2010; Гусев 2013]:

2SG > 2PL > 1PL.INCL > 3SG, PL > 1PL.EXCL, 1SG
императив ←

Схема 1. Иерархия лиц в императиве

Если формы 2 л. представлены во всех парадигмах императива (являются для императива центральными; см. 4.3), то формы 1 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. эксклюзива чаще всего отсутствуют или реинтерпретируются; см. [Мальчуков, Храковский 2015] с подробной библиографией.

Применительно к аспектуальным граммемам, в работах [Malchukov 2009; 2011], обобщающих наблюдения [Comrie 1976: 73 ff.], предложена следующая иерархия, описывающая взаимодействие (перфективного) аспекта с временными граммемами:

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ > БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ > НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ
перфектив ←

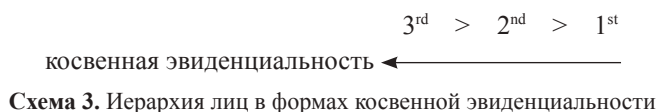
Схема 2. Иерархия времен в перфективе

Эта иерархия предсказывает, что перфективные формы будут всегда представлены в прошедшем времени, а в презенсе будут либо отсутствовать, либо реинтерпретироваться (см. раздел 5 выше). Единственная оговорка по отношению к наиболее естественным сочетаниям заключается в том, что, в силу фактора экономии, удачные сочетания часто будут выражаться кумулятивно (ср. кумулятивное выражение форм перфективного прошлого типа аориста, или кумулятивное выражение форм 2 л. императива).

Сходные иерархии были предложены и для других категорий, например эвиденциальности и лица. С учетом результатов ранее опубликованных работ [Willet 1988; Козинцева

⁵ Ср.: «In Russian, the use of the present perfective form for future rather than present temporality supports the status of the perfective as the marked member of the Russian aspect opposition. In English, the occasional use of the simple (perfective) present for the expression of present temporality (e. g., present stative or habitual meaning) indicates that the simple form is the unmarked member of the English aspect opposition» [Bache 1995: 190].

1994; Johanson, Utas 2000; Curnow 2003; Aikhenvald 2004], А. Л. Мальчуковым предложена следующая иерархия, ограничивающая употребление форм косвенной эвиденциальности (неочевидности) в разных лицах [Malchukov 2011]:

Данная иерархия предсказывает, что в ряде языков формы косвенной эвиденциальности ограничены формами 3 л. (в [Aikhenvald 2004: 232] приведены примеры из языков ко-асати, хам, а также из грузинского языка), в других языках — формами 3 и 2 л. (например, в хунзибском и коми), тогда как в некоторых языках такие формы сохраняются во всех лицах. Тем не менее, там, где употребляется сочетание показателя 1 л. с показателем неза-свидетельствованной эвиденциальности, оно нередко подвергается реинтерпретации, как, например, миративные формы; см. [Curnow 2003; Aikhenvald 2004].

В заключение следует упомянуть, что сочетаемость грамматических и лексических значений регулируется сходными иерархиями. Так, с учетом предварительных результатов исследований в работах [Bohnenmeyer, Swift 2004] и [Храковский и др. 2008] может быть предложена следующая шкала, описывающая сочетаемость перфективного и имперфективного аспектов с различными акциональными классами:

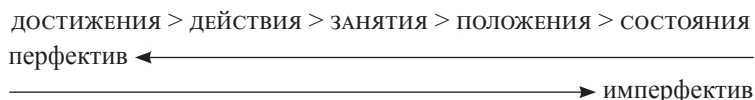

Схема 4. Сочетаемость перфективного и имперфективного аспектов с различными акциональными классами

Данная иерархия предсказывает, что для достижений и действий наиболее частотным и наименее маркированным будет перфективный ракурс, а для состояний и положений — имперфективный (ср. понятие *default aspect* в работе [Bohnenmeyer, Swift 2004]). И напротив, (неудачные) сочетания состояний с перфективным ракурсом, а достижений с имперфективным либо устраняются из аспектуальной парадигмы, либо реинтерпретируются [Храковский и др. 2008].

9. Синтагматическое взаимодействие и типология языков

Как видно из вышеизложенного, предлагаемый подход наиболее естественно приложим к языкам агглютинативного строя и, более широко, к языкам с развитой морфологией. Применительно к этому типу описание сочетаемости аффиксов, возможных запретов и реинтерпретаций не представляет труда. Более того, для языков с особенно сложной морфологией типа полисинтетических подобное описание предпринималось традиционно, в рамках так называемой грамматики порядков [Глисон 1959], описывающей дистрибуции и позиционные возможности отдельных аффиксов (см. например, [Володин 1976] для ительменского, [Головко 1986] для алеутского). Подобное описание применялось и к стандартным агглютинативным языкам ([Ревзин, Пинес 1969] для азербайджанского).

На первый взгляд, подобный подход хуже применим к языкам изолирующего типа, где морфология в собственном понимании отсутствует. Вместе с тем надо отметить, что в принципе наш подход применим и к изолирующим языкам, в особенности если в них может быть выделен ряд грамматикализованных показателей, подверженных дистрибутивным ограничениям. Во многих случаях это оказывается возможным: показательно, что для изолирующего кхмерского языка было предложено описание глагольной конструкции в терминах грамматики порядков [Дмитренко 1998]. Надо подчеркнуть, что описания дистрибуции

в рамках грамматики порядков или сходных подходов не исчерпывают проблематику синтагматического взаимодействия, поскольку в рамках нашего подхода не меньшее значение имеют случаи реинтерпретации граммем (их значений) в определенных сочетаниях. Однако в общем случае развиваемый подход приложим к языкам разной типологии: полисинтетическим, агглютинативным, изолирующим и флективным. Для последних описание оказывается в некоторой степени более простым (в плане определения состава парадигм), хотя и здесь есть определенные сложности. Эти сложности в первую очередь связаны с пониманием и отождествлением кумулятивных категорий, но для нашего проекта проблема кумуляции значений является, скорее, периферийной. Наконец, если принять упоминавшуюся выше гипотезу о так называемом универсальном грамматическом наборе, то приложимость предлагаемого подхода к языкам различной типологии является самоочевидной.

10. Анкета

В этом разделе в конспективном виде излагаются исходные постулаты нашего подхода и формулируются вопросы для специалистов, описывающих иерархию и синтагматическое взаимодействие грамматических категорий в различных языках в рамках предлагаемого проекта. Анкета имеет свою специфику. Ее составители не предполагают, что участники проекта будут отвечать на все вопросы. Имеется в виду, что в ответах будут представлены наиболее интересные случаи взаимодействия грамматических категорий в конкретных языках, что позволит с достаточной определенностью сформулировать общие закономерности в этой области.

Введение. Несколько упрощая реальное положение вещей, но тем не менее несколько его не искажая, будем исходить из того, что в различных языках знаменательные (предикатные и предметные) лексемы (= лексические единицы) выступают в тексте в виде слов, представленных словоформами, в которых лексема являет собой единое целое с грамматическими морфемами (= показателями граммем грамматических категорий), хотя может и не иметь грамматических категорий и, соответственно, словоформ, как это преимущественно наблюдается в так называемых изолирующих языках. Лексемы могут (факультативно) или должны сопровождаться служебными словами (= грамматическими единицами), которые в той или иной степени эквивалентны грамматическим морфемам. Коль скоро лексема сама по себе уже может представлять глагольное слово, она фактически является основным элементом слова, а роль грамматических категорий, точнее их граммем, сводится к обслуживанию лексемы. Иными словами, слово состоит из элементов, образующих иерархию, вершину которой занимает лексема. Иерархию элементов, образующих глагольное слово (лексема + грамматические показатели), можно описать как их классификацию по относительной ранговой значимости в составе этого слова.

Предлагаемая работа преследует ограниченную цель. Это первый вариант анкеты для описания закономерностей иерархии и взаимодействия грамматических категорий, присущих предикатным лексемам, точнее глаголам, а также служебных слов, сопровождающих глаголы, значения которых служат аналогами значений граммем грамматических категорий. В анкете мы постарались учесть все важные результаты, которые уже были получены в опубликованных работах, посвященных взаимодействию грамматических категорий, и о которых уже сказано в разделах 1—9.

С самого начала следует подчеркнуть, что мы не располагаем списком полного набора грамматических категорий, которые бывают присущи глаголу в языках мира, и опираемся на данном этапе на довольно ограниченную выборку исследованных языков, в силу чего полученные результаты являются сугубо предварительными. Более того, учитывая масштабность принятой исследовательской программы, мы ограничим последующее изложение теми грамматическими (категориальными) значениями, которые представляются наиболее типологически значимыми (частотными) и претендуют на вхождение в универсальный грамматический набор (в духе Дж. Байби, Э. Дала и В. А. Плунгяна; см., например, [Плунгян 2011: 94—100]). Вместе с тем специалисты по отдельным языкам будут, разумеется,

иметь дело с категориями исследуемых ими языков, которые могут в той или иной степени отклоняться от типологических прототипов или быть даже не сводимыми к ним (см. обсуждение в работе [Haspelmath 2010] *comparative concepts vs. language-particular categories*). Разумеется, все возможные категории глагола не могут быть предусмотрены в рамках настоящей анкеты, нацеленной на более частотные категории. Описание взаимодействия других категорий будет несомненно представлять для нас интерес, но подобное взаимодействие хуже поддается типологическому обобщению, поэтому наша анкета ставит целью получение более систематического материала по взаимодействию наиболее частотных категорий.

Отдельную проблему при подобном описании, даже при принятых ограничениях на инвентарь глагольных категорий, составляют вопросы терминологии. В целом наш терминологический выбор соответствует тому, что принято в типологических пособиях (таких, как [Плунгян 2011]); в ряде случаев мы следуем терминологии И. А. Мельчука, однако не разделяем его убеждения, что упаковка граммем в категории является заданной и универсальной. Напротив, такое упорядочивание, какое представлено в трудах Мельчука (см., прежде всего, [Мельчук 1998]), скорее, представляет собой гипотезу, подлежащую эмпирической проверке, и мы надеемся, что наш проект внесет вклад в эту работу, поскольку сводимость форм в парадигмы отчасти определяется правилами синтагматического взаимодействия (граммемы одной парадигмы взаимоисключают друг друга по определению). Таким образом, наша позиция является компромиссной по отношению к неоструктуралистскому подходу Мельчука (признающего универсальность грамматических категорий и предложившего их исчисление) и антиструктуралистскому подходу Байби, Даля и других, признающих реальными типологически значимые значения (*gram-types*), но не их упаковку в грамматические категории.

Предмет исследования был ограничен и в ряде других отношений. Как видно из содержания анкеты, основное внимание уделяется категориям финитного глагола: правила взаимодействия категорий нефинитных форм — предмет отдельного исследования, поскольку речь идет о взаимодействии глагольных категорий с неглагольными, прежде всего именными. В принципе, возможные комбинации глагольных категорий с именными также подлежат типологическим ограничениям (описанным в [Malchukov 2004]), но эти ограничения имеют отчасти иную природу. Сверх того, наше исследование, в целом, ограничено бинарными взаимодействиями категорий, хотя существуют и более сложные случаи взаимодействия (см. выше о тернарном взаимодействии императива с видом и отрицанием в русском языке в 4.2; другие случаи тернарного взаимодействия между императивом, ирреалисом и отрицанием рассмотрены в [Мальчуков, Храковский 2015]).

Наконец, мы в основном описываем синтагматическое взаимодействие на уровне граммем (как в работах [Храковский 1996; Malchukov 2011]), а не на уровне грамматических категорий в целом (как в работе [Aikhenvald, Dixon 1998]). Это в какой-то мере мотивировано тем, что, как было отмечено выше, мы отчасти согласны с точкой зрения авторов (Байби, Далья и др.), которые считают грамматические категории в определенном смысле абстракцией лингвистического описания, а реальность признают за отдельными типологически релевантными грамматическими категориями («grams» по Байби, см. об этом [Плунгян 2011: 34—35]). Вместе с тем надо признать, что синтагматическое взаимодействие можно, в принципе, описывать на разных грамматических уровнях: на уровне отдельных граммем (как в нашем подходе), уровне взаимодействия категорий (как в работе [Aikhenvald, Dixon 1998]), но также и на более дробном уровне — уровне частных значений отдельных граммем (как в работе [Xrakovskij 2014]). Последний случай (когда выбор одной граммемы ограничивает выбор частных значений другой граммемы) описывается как случай рецессивности (реинтерпретации) в рамках настоящего подхода.

Будем различать два принципиально различных вида взаимодействия. Один вид взаимодействия будем называть тривиальным. При тривиальном взаимодействии две граммемы двух разных категорий (и, тем самым, частные значения этих граммем) без ограничений сочетаются друг с другом в рамках глагольной словоформы по композициональному,

т. е. суммирующему принципу. Другой вид взаимодействия будем называть нетривиальным. При таком взаимодействии двух граммем (категорий) одна из них (доминантная) вызывает изменения в другой (рецессивной) [Храковский 1990; 1996].

В соответствии с работой [Malchukov 2011] будем исходить из гипотезы, что при взаимодействии двух граммем немаркированная граммема скорее будет рецессивна по отношению к маркированной, а граммема категории с широкой сферой действия скорее будет доминантна по отношению к граммемам категории с узкой сферой действия. Что касается порядка представления категорий, то мы принимаем порядок: наклонение > время > вид > залог > лицо/число. Постулируя этот порядок, который, по нашему мнению, отражает «естественную иерархию» грамматических категорий, мы учитывали идеи работ Дж. Байби и других исследователей (см. раздел 3 выше). В соответствии с изложенным был составлен план, по которому строится излагаемая ниже анкета взаимодействия грамматических категорий.

1.1. Наклонение

Мы исходим из того, что категория наклонения указывает на мнение говорящего относительно принадлежности ситуации, или, если угодно, пропозиции, называемой глаголом, либо к реальному миру (индикатив/реалис — прямое наклонение)⁶, либо к нереальному (желаемому, возможному, невозможному (оптатив, конъюнктив, кондиционалис, ирреалис), либо к возможному, проецируемому в реальный мир (императив) — косвенные наклонения); ср. [Якобсон 1972: 111; Мельчук 1998: 153]. У этой категории по сравнению с другими рассматриваемыми содержательными категориями самая широкая сфера действия, которая распространяется на все предложение с данным ядерным глаголом. В соответствии с принципом иконичности показатели граммем наклонений стандартно занимают крайнюю (обычно правую) позицию в глагольной словоформе [Bybee 1985], если не учитывать показатели формальной категории лица/числа.

1.2. Время

Категория времени — это категория, граммемы которой характеризуют локализацию ситуации, обозначаемой глаголом, по отношению к времени речи (совпадает/предшествует/следует). Соответственно, различаются формы прошедшего, настоящего и будущего времени, которые принято называть абсолютными временными формами. В то же время оппозиция временных форм может отличаться от оппозиции временных планов и, соответственно, бывают оппозиции временных форм прошедшего и непроедшего времени, будущего и небудущего времени. Вместе с тем в отдельных языках существуют абсолютно-относительные временные формы (типа плюсквамперфекта и будущего в прошедшем), которые, с одной стороны, относят обозначаемую ситуацию к конкретному временному плану, но, с другой стороны, соотносят ситуацию не со временем речи, а со временем осуществления ситуации, обозначаемой другой временной формой. Кроме того, в некоторых языках существуют формы (типа аориста и имперфекта), которые кумулятивно выражают как временные, так и видовые значения, о которых речь пойдет в следующем параграфе.

1.3. Вид

Характеризуя категорию вида/аспекта, следует сказать, что она, в отличие от категорий наклонения и времени, детерминирована акциональными классами глагольных лексем, поскольку не связывает выражаемую ситуацию с реальным или возможным миром, а отражает

⁶ Поскольку пропозиция, называемая глаголом в индикативе, относится к реальному миру, высказывание с глаголом в индикативе может быть либо истинным, либо ложным. Высказывания с глаголом в форме других наклонений по этому параметру не классифицируются.

внутреннее устройство ситуации. Если говорить о формальном устройстве категории вида, то она бывает либо словоклассифицирующей, либо словоизменительной. Словоклассифицирующей является, например, категория вида в русском языке, представленная граммемами СВ и НСВ. Все формы любой глагольной лексемы, как финитные, так и нефинитные, являются формами либо СВ, либо НСВ. Словоизменительной, например, является категория вида в испанском языке, где то или иное конкретное видовое значение присуще не лексеме, как в русском языке, а отдельным финитным видо-временным формам (аористу, имперфекту, перфекту). Это прогрессив (*строить*), дуратив (*гулять*), хабитуалис (*гулять* неоднократно), мультипликатив (*мелькать*). Наблюдатель реально видит только какой-либо фрагмент этих ситуаций. Иначе говоря, временной интервал, который занимает окно наблюдения, меньше временного интервала, который занимает сама ситуация. И словоизменительная, и словоклассифицирующая категория вида может быть представлена различными вариантами, что необходимо учитывать при работе с материалом конкретных языков.

И. А. Мельчук [1998; 2001] распределяет эти аспектуальные значения (и некоторые другие) по пяти аспектуальным категориям⁷. Это деление можно рассматривать как гипотезу о предпочтительном способе упаковки данных значений по категориям: предполагается, что для языков с развитой морфологией значения из состава одной аспектуальной категории не сочетаются друг с другом, а значения из разных категорий сочетаться, вообще говоря, могут. Напомним, что мы рассматриваем такое деление не как универсальное, но как одно из возможных (и даже типологически предпочтительное — это, однако, подлежит дополнительной проверке), тем более, что наше исследование направлено как раз на выяснение возможных ограничений на сочетаемость грамматических значений, что, в свою очередь, определяет их сводимость в категории.

1.4. Залог

Категория залога (в номинативных языках) всегда бывает представлена граммемой актива и, в наиболее типичном случае (у двухактантного глагола), одной или двумя граммемами пассива (трехчленный и/или двучленный пассив). Во всех производных диатезах пассивного залога первый семантический актанта не занимает позицию первого синтаксического актанта, которую он занимал в базовой диатезе. Иначе говоря, за переходом от актива к различного рода пассивам стоит перераспределение коммуникативных рангов семантических актантов, присущих базовой диатезе [Мельчук 1998].

В принципе, производных (пассивных) залогов может быть столько, сколько имеется актантов (не считая первого) у глагола, не учитывая возможного удвоения этих залогов. Реально же теоретически допустимого количества производных залогов не встречается. Наибольшее количество существующих залогов, очевидно, представлено в тагальском и других родственном ему языках. В эргативных языках категория залога бывает представлена граммемами исходного залога и антипассива (где устраняется 2-й глагольный актанта Пациенс).

⁷ «Категорией *аспекта I* называется категория, элементы которой указывают на количество описываемых фактов» [Мельчук 1998: 92]. Граммемы этого аспекта: нейтральный, семейфактив, мультипликатив. «Категорией *аспекта II* называется такая категория, элементы которой указывают: сосредоточен ли данный факт в одном месте и в одном моменте времени — или он распределен в пространстве и во времени» [Мельчук 1998: 100]. Граммемы этого аспекта: концентратив, дистрибутив, итератив, дистрибутив и итератив. «Категорией *аспекта III* называется такая категория, элементы которой характеризуют временную протяженность данного факта» [Мельчук 1998: 102]. Граммемы этого аспекта: точность, дуратив, хабитуалис. «Категорией *аспекта IV* называется такая категория, граммемы которой указывают, находится ли данный факт в фиксированный момент времени в процессе развертывания или нет» [Мельчук 1998: 103]. Граммемы этого аспекта: прогрессив, не-прогрессив. «Категорией *аспекта V* называется такая категория, элементы которой указывают, достигнут ли (должен ли быть достигнут) внутренний предел данного события» [Мельчук 1998: 106]. Граммемы этого аспекта: перфектив, имперфектив.

В отдельных языках, помимо собственно залога (пассива, антипассива), естественно рассматривать как залоговые и показатели «актантной деривации», которые могут менять количество семантических ролей лексемы (такие как каузативы, антикаузативы, рефлексивы и реципроки, а также некоторые виды аппликативов). Для нашего проекта включение последних показателей в описание желательно в тех случаях, когда эти показатели являются более грамматикализованными («квазиграммемами» в терминологии Мельчука), а также обнаруживают нетривиальное взаимодействие с другими категориями.

I.5. Лицо/число

Замыкают список анализируемых категорий категории лица и числа, которые обычно выражаются кумулятивно, и потому их целесообразно рассматривать совместно. В отличие от всех упоминавшихся до сих пор категорий эти две являются согласовательными, таким образом, строго говоря, находятся вне иерархии глагольных категорий, различающихся по сфере действия (scope); см. раздел 3 выше. Помимо наиболее частотных парадигм, включающих формы 1, 2, 3 л. ед. и мн. ч., возможны и более сложные парадигмы, включающие и формы дв. ч., а иногда и некоторые другие формы, в частности, инклюзивные и эксклюзивные. Известны и языки (например, некоторые тибетские) с более сложным выражением этих глагольных категорий, когда лицо и число (субъекта и объекта) выражаются независимо, и в этом случае их совместная встречаемость подвержена достаточно сложным правилам, которые подлежат изучению в рамках проекта. Применительно к большинству языков речь идет, скорее, об ограничениях на употребление личных форм с другими глагольными категориями (такими как наклонение, время или залог/валентность).

II. Взаимодействие наклонения с другими категориями

II.1. Взаимодействие индикатива...

II.1.1. Взаимодействие индикатива с граммемами времени

Индикатив/реалис — центральный немаркированный член категории наклонения, и поэтому предполагается, что он в любом языке тривиально взаимодействует с категорией времени, т. е. не реинтерпретирует ее. Иными словами, в индикативе представлены все временные формы, которые есть во взятом языке. Добавим к этому, что в ряде языков индикатив не имеет собственных показателей и реально представлен своей парадигмой временных форм. Соответственно, вопросы относительно взаимодействия индикатива и категории времени сводятся к характеристике временных форм, употребляющихся в индикативе.

Однако анкета, в принципе, должна предусматривать наличие у глагола в любом конкретном языке автономных категорий наклонения и времени. Вот вопросы, обращенные к исследователю:

- 1) Есть ли у глагола в Вашем языке категория наклонения? Если такая категория есть, какие граммемы, кроме индикатива, включает эта категория? Каковы показатели граммем этой категории? Есть ли в Вашем языке какая-либо граммема категории наклонения, у которой нет собственного показателя? Если в Вашем языке такой категории нет, то выражаются ли в Вашем языке значения, которые присущи граммемам этой категории в других языках (см. раздел I.1 выше), и если выражаются, то каким образом?
- 2) Есть ли в Вашем языке категория времени?⁸ Если такая категория есть, то какие формы (граммемы) этой категории употребляются в индикативе? Есть ли среди форм катего-

⁸ В этой работе мы исходим из предположения, что наиболее частотными граммемами, претендующими на вхождение в универсальный набор значений категории времени, являются три значения: настоящее, прошедшее и будущее.

рии времени наряду с абсолютными и абсолютно-относительные формы? Каковы показатели граммем этой категории? Однозначны или многозначны временные формы индикатива? Если среди временных форм есть многозначные, то перечислите частные значения и укажите, какие из них являются основными.

- 3) Могут ли временные формы индикатива выступать в функции косвенных наклонений — императива, конъюнктива и т. п. — и если могут, то какие это формы?
- 4) Если у глагола в Вашем языке категории времени нет, то выражаются ли в Вашем языке значения, которые присущи граммемам этой категории в других языках, и если выражаются, то каким образом?

II.1.2. Взаимодействие индикатива с граммемами вида

- 1) Есть ли в Вашем языке категория вида (аспекта)?
- 2) Если такая категория есть, то является ли она словоклассифицирующей (как в русском языке) или словоизменительной, т. е. грамматической (как в испанском языке)?
- 3) Какие формы входят в состав этой категории, и каковы показатели разных видовых форм?
- 4) Кластеры каких минимальных универсальных аспектуальных значений представляют собой формы словоклассифицирующей категории вида?
- 5) Какие минимальные универсальные значения (или наборы каких минимальных универсальных значений) выражают видовые или видо-временные формы словоизменительной категории вида?
- 6) Если такой категории нет, то как выражаются аспектуальные значения в Вашем языке и как взаимодействуют показатели этих значений с индикативом?

II.1.3. Взаимодействие индикатива с граммемами залога

- 1) Есть ли в Вашем языке категория залога? Если эта категория есть, то каковы показатели граммем этой категории?
- 2) Какие семантические актанты (и сирконстанты) могут переходить в индикативе в позицию первого синтаксического актанта в производных пассивных конструкциях? (В русском языке, например, в позицию первого синтаксического актанта может переходить только второй семантический актант.)
- 3) Какие залоговые формы и залоговые конструкции различаются в индикативе? В русском языке, например, с одной стороны, различаются пассивные конструкции, в которых позицию первого синтаксического актанта занимает второй семантический актант, и пассивные конструкции, где позиция первого синтаксического актанта остается незанятой (типа *Приказано наступать*), а с другой стороны — трехчленные и двучленные пассивные конструкции: *Мальчик открыл дверь* → *Дверь была открыта (мальчиком)*; *Командир приказал солдатам лечь* → *Солдатам было приказано лечь (командиром)*. В то же время есть языки, например арабский, в которых возможны только двучленные пассивные конструкции, где позицию первого синтаксического актанта занимает второй семантический актант: *бана: л-’умма:лу л-джисра* ‘рабочие построили мост’ → *бунийа л-джисру* ‘мост построен’, и языки, например польский, в которых возможны двучленные пассивные конструкции, где позиция первого синтаксического актанта остается свободной: *Robotnicy budują wieżę* ‘рабочие строят башню’ → *Zbudowano wieżę* ‘досл. построено башню’ (= Башня построена).
- 4) Какие нестандартные семантические особенности есть у залоговых форм в индикативе? (Например, в русском и других языках при определенных условиях пассив имеет модальное значение: *Такие башни строятся быстро*.)
- 5) Если категории залога в Вашем языке нет, то какие средства используются для выражения залоговых функций?

II.1.4. Взаимодействие индикатива с граммемами лица/числа

- 1) Есть ли в Вашем языке категория лица/числа?
- 2) Если такая категория есть, то какие формы входят в лично-числовую парадигму индикатива?
- 3) Каковы показатели лично-числовых форм? Какие нестандартные частные значения есть у форм этой парадигмы?
- 4) Что, кроме значений лица/числа слова-контролера, может определять выбор конкретной лично-числовой формы глагола?

II.2. Взаимодействие императива

Среди косвенных наклонений наиболее типологически важным наклонением является императив. Об этом можно судить хотя бы потому, что формально о наличии категории наклонения в языке можно говорить только в том случае, если в этом языке существует оппозиция двух различных наклонений, и такими наклонениями всегда бывают индикатив и императив, но не индикатив и, скажем, конъюнктив или оптатив или императив и конъюнктив. Добавим к сказанному, что в языках, где у глагола нет императива, обычно есть служебные слова, которые маркируют императивное значение.

II.2.1. Взаимодействие императива с граммемами времени

Ставя вопрос о взаимодействии императива и категории времени, мы должны помнить о том, что императив обозначает каузацию⁹ перехода от возможного мира к реальному, а такой переход в принципе возможен только после времени речи, т. е. в будущем, и, таким образом, значение будущего времени является компонентом значения императива¹⁰. Следствием этого является то обстоятельство, что императив как доминирующая категория прототипически не должен сочетаться с показателями категории времени, по крайней мере, с нефутуральными показателями. Если в языке все же наблюдается сочетаемость императива с нефутуральными показателями времени, что бывает исключительно редко, то это приводит к модификации или реинтерпретации императивного значения. Примером может служить сирийский арабский язык, где форма императива 2 л. ед. ч. в сочетании с формой 2 л. ед. ч. служебного глагола *ka:na* 'быть' интерпретируется как модальная форма ирреальной необходимости [Cowell 1964: 361].

Вместе с тем у императивных форм может быть специфическая категория временной дистанции, которой может не быть и преимущественно не бывает у индикативных форм (см. раздел 4.1 выше). Эта категория в императиве обычно принимает два значения: а) ситуация, называемая императивной формой, реализуется в любой момент времени после времени речи; б) ситуация, называемая императивной формой, реализуется спустя определенный период времени после времени речи. Прагматическая важность этой категории именно для императива не нуждается в комментариях¹¹.

⁹ Каузация, выражаемая императивными формами, имеет следующие частные значения: приказ, требование, просьба, совет, разрешение, допущение. Список таких частных значений может быть расширен. В некоторых языках существуют императивные формы, противопоставляющие разные комбинации этих частных значений.

¹⁰ Особо следует отметить, что будущее действие, обозначаемое императивом, может представлять собой продолжение действия, происшедшего вплоть до момента речи, и которое, по мнению говорящего, может прекратиться. Ср.: *Пиши, пиши!*

¹¹ Имеет смысл обратить также внимание на то, что исключительно в силу особенностей своей семантики и ролевых функций говорящего и слушающего(-их) при произнесении императивных высказываний в языках мира возможно наличие оппозиции фактивных и пермиссивных форм императива, а также оппозиции нейтральных, вежливых и невежливых (= грубых) императивных форм.

Опираясь на изложенные соображения, можно сформулировать следующие вопросы относительно взаимодействия императива и категории времени, обращенные к исследователю:

- 1) Существуют ли в Вашем языке императивные формы с футуральными и/или нефутуральными показателями категории времени? Если такие формы существуют, то употребляются ли они в прототипических императивных высказываниях? Если они в таких высказываниях не употребляются, то какую функцию они выполняют?
- 2) Существует ли в Вашем языке у глагола в императиве категория временной дистанции? Если такая категория есть в императиве, то сколько граммем входит в состав категории, каково значение этих граммем и какие у них показатели?

Что касается формального статуса императивных форм, то в разных языках наблюдается связь императива с презентными и футуральными временными формами индикатива. Она проявляется в том, что императивные формы часто образуются от презентной основы индикатива (русск. *смотри-и, читай-О*), повелительное значение имеют формы настоящего, либо (чаще) формы будущего времени, либо (реже) формы прошедшего времени, причем формы настоящего и прошедшего времени обычно используются для обозначения немедленного или эмфатического действия (русск. *идем(те), пошли*), см. [Гусев 2005; Aikhenvald 2010], а формы настоящего и будущего времени могут выступать как синонимы императивных форм (иврит. *saper/tesaper* 'расскажи (м. р.)'). Соответственно, анкета должна включать вопросы следующего типа:

- 1) Являются ли императивные формы исконными или происходят от каких-либо других форм?
- 2) Если императивные формы являются производными, то к каким формам они восходят и каковы семантические особенности последних?
- 3) Есть ли у императивных форм синонимичные формы других наклонений?

II.2.2. Взаимодействие императива с граммемами вида

Можно предположить, что императив нетривиально взаимодействует со словоклассифицирующей категорией вида в тех языках, где эта категория есть. Это взаимодействие проявляется в том, что в императиве видовые формы функционируют не так, как в индикативе, который тривиально взаимодействует с категорией вида (см. раздел 4.2 выше).

Рассмотрим, например, русский язык, где правила употребления форм НСВ и СВ в императиве отличаются от правил употребления этих форм в индикативе. Выбор форм НСВ и СВ в императиве осуществляется в соответствии со следующими правилами. Если до произнесения повелительного высказывания будущий агент-исполнитель уже осведомлен о той ситуации, которую ему предстоит выполнить или догадывается о ней, то избирается форма НСВ. Повелительное высказывание с императивной формой НСВ в основном сигнализирует о необходимости начать выполнять каузируемую ситуацию сразу же после произнесения прескрипции. В таком высказывании обычно эллиптируются актанты глагола, которые заданы в предшествующем тексте. Актуально-длительное (дуративное/прогрессивное) значение НСВ в этом случае в определенной степени деформируется, однако не утрачивает своей основной процессуальной составляющей.

Если же до произнесения повелительного высказывания будущий агент-исполнитель не располагает никакой предварительной информацией о ситуации, которую ему предстоит выполнить, и не догадывается о ней, то, как правило, избирается обозначающая новую информацию форма СВ в своем основном конкретно-фактическом значении¹². Передача новой информации формирует типичный облик повелительных высказываний: в них обычно

¹² Заметим, что если в формах СВ прошедшего времени говорящий характеризует выражаемую ситуацию «извне» уже после того, как ситуация завершилась, т. е. ретроспективно, то в формах СВ

представлены все актанты глагола, а кроме того для них характерны сирконстанты, обозначающие темпорально-локальные координаты ситуации, которая должна осуществиться.

В прохибитивном контексте стандартно употребляется только форма НСВ. Отрицательная форма императива СВ меняет свое повелительное значение на так называемое превентивное (см. раздел 4.2 выше). Высказывание *He простудись!* означает, что говорящий призывает слушающего случайно не оказаться в ситуации, которая может способствовать его заболеванию.

Соответственно, если в языке есть словоклассифицирующая категория вида, то анкета должна включать вопросы следующего типа:

- 1) Все ли видовые формы употребляются в императиве?
- 2) Если употребляются все формы, то каковы правила выбора разных форм?
- 3) Если употребляются не все формы, то какие конкретно формы не употребляются и каковы причины запрета на их употребление?
- 4) Существуют ли такие видовые формы, которые в контексте отрицания меняют свое повелительное значение на какое-либо другое?
- 5) Деформируется ли в императиве значение видовых форм, представленное в соотносимых формах в индикативе?

II.2.3. Взаимодействие императива с граммемами залога

В тех языках, где есть категория залога, императив зачастую нетривиально взаимодействует с этой категорией. Стандартно в императиве употребляются формы актива, а формы пассива либо вообще не употребляются, либо употребляются крайне редко и реинтерпретируются, выражая значение рефлексивного пермиссива типа *Be examined by the doctor*, *Don't be deceived* (см. раздел 4.4 выше). Однако в некоторых языках в императиве преимущественно употребляются формы пассива. Такая ситуация наблюдается, например, в индонезийском языке, где в императиве в основном употребляются формы пассива, а формы актива хотя и возможны, но употребляются крайне ограниченно, причем глагольная форма обычно редулицируется и может приобретать дополнительное значение неоднократности: ср. *Baca surat oleh Anda* 'прочитайте письмо', букв. 'пусть письмо будет прочитано Вами' и *Datang-datang ke rumah saya* 'приходи почаще ко мне домой' [Агус Салим 1992: 229—231]. Вместе с тем есть «многозалоговые» языки, например филиппинские. В частности, в тагальском языке есть акторный, каузативный, пациенсный, бенефактивный и инструментальный залого. Императив употребляется во всех этих залогах, кроме каузативного.

Относительно взаимодействия императива и категории залога необходимо задать исследователю следующие вопросы:

- 1) Меняется ли состав залоговых форм в императиве сравнительно с залоговыми формами индикатива и если меняется, то каким образом?
- 2) Есть ли нестандартные частные значения у залоговых форм в императиве и если есть, то какие это значения?

II.2.4. Взаимодействие императива с граммемами лица/числа

Как было показано выше (см. раздел 4.3), императив реально взаимодействует с категорией лица/числа. Говоря о взаимодействии этих категорий, следует с самого начала подчеркнуть, что в императивном предложении значительно чаще, чем в индикативном, отсутствует слово, контролирующее выбор показателя лица и числа у императивной формы. В стандартных случаях употребления императивных предложений (ср. русск. *иди, идите,*

императива (и будущего времени) говорящий характеризует ситуацию «извне» еще до того, как она совершилась, т. е. проспективно.

идем, идемте, франц. *parle* ‘говори’, *parlez* ‘говорите’, *parlons* ‘давай(те) (будем) говорить’) отсутствие местоименного подлежащего является либо нормой, как в русском языке по отношению к формам 2 л., либо правилом, как во французском и русском языке по отношению к формам 1 л. мн. ч. (совместного лица). Наличие слова-контролера является нормой или правилом для тех языков, где глагол лишен морфологии словоизменения; ср. кхмер. *koun taok jat* ‘иди поешь’, букв. ‘ребенок приходить есть’.

Лично-числовая парадигма императива, как уже было подробно сказано в разделе 4.3, отличается от лично-числовой парадигмы индикатива и других наклонений по следующим параметрам: 1) центральными в лично-числовой парадигме императива являются формы 2 л.; 2) периферийные формы других лиц часто отсутствуют в парадигме; 3) лично-числовые показатели императива полностью или частично отличаются от аналогичных показателей других наклонений; 4) в императиве могут быть лично-числовые формы, которых нет в других наклонениях; 5) парадигма лично-числовых форм прохибитива может по составу отличаться от парадигмы лично-числовых форм императива. Сказанное позволяет сформулировать следующие вопросы относительно взаимодействия императива и категории лица/числа, которые нужно задать исследователю:

- 1) Какие формы входят в лично-числовую парадигму императива в Вашем языке, и какие показатели есть у этих форм?
- 2) Отличается ли по составу форм лично-числовая парадигма императива от лично-числовой парадигмы индикатива? Если отличается, то в каком отношении (увеличивается/уменьшается количество форм; какие формы выпадают из парадигмы, какие формы в ней появляются)? Наблюдается ли многовариантность форм в лично-числовой парадигме императива?
- 3) Какие нестандартные частные значения (например, этикетные) есть у форм этой парадигмы?
- 4) Какие формы входят в лично-числовую парадигму прохибитива? Отличается ли лично-числовая парадигма прохибитива по составу форм и/или по их устройству от лично-числовой парадигмы императива? Наблюдается ли многовариантность форм в лично-числовой парадигме прохибитива, и если наблюдается, то аналогична ли она многовариантности форм в лично-числовой парадигме императива или отличается от нее?

II.3. Взаимодействие других наклонений

II.3.1. Взаимодействие других наклонений с граммемами времени

Напомним, что идеализированная категория наклонения по И. А. Мельчуку [2001: 154—155] содержит шесть граммем. Кроме рассмотренных выше индикатива и императива это оптатив (= желательное наклонение), выражающий экстериоризацию желания говорящего, конъюнктив (= сослагательное), выражающий нереферентный характер описываемого факта (например, когда эта форма выражает целевое значение зависимого глагола), кондиционалис (= условное), выражающий обусловленный характер описываемого факта, ирреалис (= ирреальное), выражающий предположение, противоречащее фактам¹³.

Последние четыре косвенных наклонения обладают общим свойством, вытекающим из их семантики: они указывают на принадлежность обозначаемой ситуации к возможным — или даже альтернативным — мирам, а потому их темпоральная (а также аспектуальная, см. II.3.2 ниже) характеристика оказывается менее релевантной. Соответственно, данные наклонения нетривиально взаимодействуют с категорией времени, занимая промежуточную позицию между индикативом и императивом, а именно: у этих наклонений

¹³ Концепция И. А. Мельчука не учитывает такие иллокативные наклонения, как интеррогатив и аффирматив.

временных форм обычно либо меньше, чем у индикатива, либо их вообще нет, а если есть, то часто они подвергаются реинтерпретации (см. [Мальчуков, Храковский 2015]). Например, в русском языке в сослагательном наклонении в отличие от индикатива временных форм нет, а в языке нкоре-кига при наличии в индикативе семи временных форм в сослагательном наклонении только две временные формы [Taylor 1985: 154]. В обобщающей главе сборника, специально посвященного категориям наклонения в европейских языках, отмечается, что из 36 описанных в нем европейских языков лишь в двух языках все времена индикатива выражаются и в конъюнктиве [Thieroff 2010: 19].

Все изложенное позволяет сформулировать следующие вопросы относительно взаимодействия косвенных наклонений и категории времени:

- 1) Какие косвенные наклонения, кроме императива, входят в состав категории наклонения в Вашем языке? Какие значения выражают эти наклонения? Есть ли у этих наклонений временные формы? Если такие формы есть, то соответствует ли их семантика аналогичным временным формам индикатива? Если их семантика не соответствует аналогичным временным формам индикатива, то какие значения они выражают? Могут ли формы каких-либо из этих наклонений выполнять функции футуральных форм индикатива и/или форм императива при наличии соответствующих форм или при их отсутствии?
- 2) Есть ли в Вашем языке иллокутивные наклонения кроме императива типа интеррогатива (вопросительного наклонения) в эскимосском и аффирматива (утвердительного наклонения) в нанайском?
- 3) Если в Вашем языке у категории наклонения есть только граммемы индикатива и императива или же такой категории вообще нет, то каким образом выражаются значения косвенных наклонений? (Например, в индонезийском языке, где категории наклонения нет, стандартное значение русского сослагательного наклонения выражается союзами, вводящими зависимую часть сложноподчиненных ирреальных условных предложений; это союзы с конфиксом *se...-nya*: *sekiranya*, *seandainya* ‘если бы’, *sebaiknya* ‘хорошо было бы, если’, см. *Sekiranya bersayap, terbang saya ke sana* ‘были бы [у меня] крылья, улетел бы я туда’ [Агус Салим 1992: 227].)

II.3.2. Взаимодействие других наклонений с граммами вида

Говоря о взаимодействии косвенных наклонений (кроме императива) с категорией вида, очевидно, следует различать два случая маркирования аспектуальных различий. В одном случае в языке существует словоизменительная категория вида, которая реализуется в единой парадигме аспектуально-темпоральных форм, включающей, например, такие формы, как аорист, имперфект, перфект, дуратив, прогрессив и т. п. В этом случае в косвенных наклонениях аспектуально-темпоральные формы обычно используются выборочно или не используются вовсе, т. е. имеет место нетривиальное взаимодействие. Подобная градуальная редукция аспектуальных различий в косвенных наклонениях, особенно характерная для языков со словоизменительной категорией вида, объясняется принципом релевантности (см. раздел 6 выше): нереальные/ирреальные действия менее нуждаются или совсем не нуждаются в аспектуально-темпоральной квалификации. Например, в санскрите оптим (как и императив) представлен только презентно-имперфективными формами [Kulikov 2001], в сослагательном наклонении языка басков аспектуальные различия не выражаются [Saltarelli 1988: 230]. В цахурском языке оппозиция аспектуальных форм обязательна в реальности (прямое наклонение), факультативна в гипотетическом и отсутствует в контрфактическом наклонении [Майсак, Татевосов 1998].

О другом случае можно говорить, когда в языке представлена словоклассифицирующая категория вида. Тогда время и вид маркируются отдельно, как, например, в русском языке, где сослагательное наклонение тривиально взаимодействует с категорией вида. Так, взаимодействие граммемы НСВ с граммемой сослагательного наклонения похоже на взаимодействие

граммемы НСВ с граммемой индикатива. Иначе говоря, при обозначении однократного действия граммема НСВ преимущественно выражает актуально-длительное (дуративное) значение, причем можно считать, что говорящий мысленно находится «внутри» той ситуации, которую обозначает форма НСВ сослагательного наклонения: *Я бы сейчас спокойно делал уроки, если бы за стеной громко не разговаривали*. Что касается граммемы СВ, то она, как и в индикативе, нейтрально взаимодействует с граммемой сослагательного наклонения. При обозначении однократного действия граммема СВ обычно выражает конкретно-фактическое значение, а говорящий мысленно находится «вне» той ситуации, которую обозначает форма СВ сослагательного наклонения: [Елена Андреевна:] *Мне хочется играть... Я сыграла бы теперь что-нибудь* (А. П. Чехов, «Дядя Ваня»); *Сидишь тут, глупостями занимаешься. Лучшие бы ужин приготовила или хоть чайник поставила* (В. К. Кетлинская).

В настоящее время представляется возможным сформулировать следующие вопросы о взаимодействии косвенных наклонений и категории вида:

- 1) Если в Вашем языке есть косвенные наклонения и словоизменительная или словоклассифицирующая категория вида, то как они взаимодействуют друг с другом?
- 2) Существуют ли ограничения на употребление определенных видовых граммем в косвенных наклонениях?

II.3.3. Взаимодействие других наклонений с граммемами лица/числа

Стандартные косвенные наклонения, по нашим наблюдениям, чаще тривиально взаимодействуют с категорией лица/числа, однако следует обратить внимание на следующие случаи. Хотя по количеству форм лично-числовая парадигма косвенных наклонений обычно не отличается от парадигмы лично-числовых форм индикатива, возможны вариации при выборе лично-числовых показателей. Например, в латыни форма 1 л. ед. ч. презенса индикатива и конъюнктива имеет разные лично-числовые показатели; ср.: *orn-o* ‘я украшаю’ и *orne-t* ‘я украшал бы’. Однако косвенное наклонение может не иметь личной парадигмы, если она образуется от формы индикатива, у которой такой парадигмы нет. Так, например, обстоит дело в русском языке, где сослагательное наклонение образуется от формы прошедшего времени индикатива, у которой нет личной парадигмы, но которая изменяется по категории числа и рода (в ед. ч.). Ср.: *я/ты/он(а) почитал(а) → я/ты/он(а) бы почитал(а): мы/вы/они почитали → мы/вы/они бы почитали*.

Представляется возможным задать следующие вопросы о взаимодействии косвенных наклонений и категории лица/числа:

- 1) Есть ли у косвенных наклонений лично-числовая парадигма или такой парадигмы нет?
- 2) Как косвенные наклонения взаимодействуют с категорией лица/числа, если такая категория есть? Совпадают ли лично-числовые парадигмы косвенных наклонений и индикатива? Возможны ли варианты в оформлении лично-числовых показателей косвенных наклонений и индикатива?

III. Взаимодействие времени с другими категориями

III.1. Взаимодействие категории времени с граммемами наклонения

См. раздел II.

III.2. Взаимодействие категории времени с граммемами вида

Категория времени тесно взаимодействует с категорией вида и обычно в описании тех языков, где есть обе эти категории, речь идет о видо-временных формах, которые

представлены в индикативе и возможны в косвенных наклонениях. Наиболее широко в различных языках представлены два типа систем видо-временных форм. Система первого типа представлена, например, в романских языках, где в плане прошедшего времени существует несколько форм, чей показатель кумулятивно выражает определенное видо-временное значение. Речь идет о таких формах, как перфект, имперфект, аорист. В этом случае, как уже отмечалось, категория вида характеризуется как словоизменительная. Система второго типа представлена, например, в русском языке, где видовое значение (в отличие от временного) есть у всех форм глагольной лексики, причем и видовое, и временное значения у всех форм маркируются отдельными показателями. В этом случае категория вида характеризуется как словоклассифицирующая.

Учитывая, что граммемы СВ и НСВ представляют собой кластеры, объединяющие несколько частных (минимальных) аспектуальных значений, следует обратить внимание на то, что эти значения неодинаковым образом взаимодействуют с разными временными формами. Так, в русском языке существуют такие частные значения обоих видов (это, прежде всего, так называемые основные значения), которые выражаются во всех существующих временных формах, что свидетельствует о тривиальном взаимодействии граммем вида и времени. У НСВ это актуально-длительное/процессное, хабитуальное значения. У СВ это конкретно-фактическое значение. Другие частные значения выражаются не во всех существующих временных формах, что свидетельствует о нетривиальном взаимодействии граммем вида и времени. Например, общефактическое значение НСВ есть только у форм прошедшего времени. Эти случаи в рамках нашего подхода интерпретируются как проявление рессивности у видовой граммемы (при этом утрата частного значения или ее иное ранжирование считается проявлением сдвига значения).

Более очевидный случай нетривиального взаимодействия вида и времени был рассмотрен выше на примере реинтерпретации форм перфективного презенса в славянских языках (см. [Breu 1994]). Как было показано выше (раздел 5), это семантически аномальное сочетание приводит к реинтерпретации либо временного значения (футуральная интерпретация в русском), либо аспектуальной формы (хабитуальная интерпретация в болгарском).

Относительно взаимодействия категорий времени и вида следует задать следующие вопросы:

- 1) Есть ли в Вашем языке категории времени и вида?
- 2) Если такие категории есть, то какую систему видо-временных форм они образуют?
- 3) Как выражаются видовые и временные значения: кумулятивно или раздельно?
- 4) Существует ли в Вашем языке перфективная форма настоящего времени, и если существует, то каким образом она (ре)интерпретируется?
- 4) Какие частные значения граммем СВ и НСВ реализуются во всех временных формах, а какие только в некоторых временных формах?
- 5) Существуют ли в парадигме временных форм такие формы, в которых нейтрализуется противопоставление видовых граммем?

III.3. Взаимодействие категории времени с граммемами залога

Что касается взаимодействия категорий времени и залога, то есть основания предполагать, что эти категории в отдельных случаях нетривиально взаимодействуют друг с другом.

В частности, перфект, образуемый от объектного результата [Недялков 1983; Маслов 1983; Bybee et al. 1994], может сохранять объектную ориентацию и после реинтерпретации аспектуального значения как временного; при одном возможном анализе получается, что перфект представлен в пассиве, но не активе. Так, согласно Б. Комри [Comrie 1976], в русском языке перфект отличный от общепрошедшего времени представлен только в пассиве¹⁴.

¹⁴ «In a number of languages, overt expression of perfect meaning is possible only in the passive voice, and not in the active. In Russian, for instance, a sentence like *kon'jak vybit* means explicitly 'the brandy has

Соответственно, на данном этапе исследования можно задать следующие вопросы:

- 1) Есть ли в Вашем языке категории времени и залога?
- 2) Если такие категории есть, то как они взаимодействуют друг с другом?
- 3) Совпадают ли по набору форм (видо)временные парадигмы различных залогов?
- 4) Если по набору форм (видо)временные парадигмы различных залогов не совпадают, то как можно охарактеризовать несовпадающие формы?

III.4. Взаимодействие категории времени с граммемами лица/числа

Что касается взаимодействия категорий времени и лица/числа, то ожидается, что они тривиально взаимодействуют друг с другом, если обе эти категории есть у глагольных форм. Впрочем, возможна ситуация, когда у одних временных форм в парадигме категория лица/числа есть, а у других временных форм сохраняется только оппозиция по числу, а оппозиция по лицу отсутствует. Именно такая ситуация наблюдается в русском языке, где категория лица/числа есть у форм наст. и буд. времени, тогда как формы прош. времени не изменяются по лицу, но изменяются по числу, и, кроме того, по роду (в ед. ч.). На данном этапе исследования относительно взаимодействия времени и лица/числа можно задать следующие вопросы:

- 1) Есть ли в Вашем языке категории времени и лица/числа?
- 2) Если эти категории есть, то как они взаимодействуют друг с другом?
- 3) Возможна ли в Вашем языке ситуация, когда одни временные формы изменяются по лицу, а другие нет?

IV. Взаимодействие вида с другими категориями

IV.1. Взаимодействие категории вида с граммемами наклонения

См. раздел II.

IV.2. Взаимодействие категории вида с граммемами времени

См. раздел III.

IV.3. Взаимодействие категории вида с граммемами залога

О характере взаимодействия категорий вида и залога мы в настоящий момент не располагаем полной информацией. С одной стороны, специальное исследование, выполненное на материале русского языка [Пупынин 1996], показало, что залог и вид часто тривиально взаимодействуют друг с другом. И активные, и пассивные глагольные формы НСВ по аспектуальным свойствам, в общем, не отличаются друг от друга. И тем и другим залоговым формам присущи основные значения НСВ — актуально-длительное и хабитуальное, однако пассивные формы НСВ, в отличие от активных, преимущественно употребляются в хабитуальном значении, тогда как у активных форм такого предпочтения не наблюдается.

Также по своим аспектуальным свойствам не отличаются друг от друга активные и причастные пассивные формы СВ, которым присуще конкретно-фактическое значение. Однако «лишняя» временная форма причастного пассива типа *Дом построен* в результативном

been drunk', and not 'the brandy was drunk', which would be *kon'jak byl vypit*; but this distinction cannot be made in the active voice, where on *vypil kon'jak* corresponds to both 'he drank the brandy' and 'he has drunk the brandy'» [Comrie 1976: 84].

употреблении по своим аспектуальным свойствам резко отличается от соотносимых активных форм СВ, обозначая обычно длящееся состояние, оторванное от вызвавшего его действия и как бы взятое без начала и конца; ср.: *Недавно на дверях магазина «Вино» появилась лаконичная табличка «Магазин закрыт навсегда»*. Этот случай, скорее, свидетельствует о нетривиальном взаимодействии значений: «лишняя» временная форма причастного пассива СВ реинтерпретируется как форма НСВ.

С другой стороны, в работах [Пупынин 1996; Апресян 2004] отмечены ограничения на выражение видовых значений при формах пассива в русском — как рефлексивного, так и причастного. Эти ограничения объясняются Ю. Д. Апресяном тенденцией к редукции грамматических оппозиций у грамматически периферийных форм, т. е., по существу, маркированностью пассива; ср. понятие «дистрибутивной маркированности» по Крофту в разделе 2.

Как и в случае взаимодействия категорий времени и залога (см. раздел III.3 выше), мернее очевидно, что нетривиальное взаимодействие такого рода — это взаимодействие синтагматического плана, а не чисто диахронического. Как известно, пассивные формы часто являются ингерентно (и по происхождению) стативными (результативными); с другой стороны, антипассивные формы являются ингерентно имперфективными. Как и в случае с пассивом, возникает вопрос о квалификации таких форм как аспектуальных или залоговых или как кумулятивно выражающих оба значения. При еще одной возможной интерпретации это взаимодействие является синтагматическим: в перфективных формах может отсутствовать антипассив, а в не-стативных формах — пассив.

Соответственно, на данном этапе исследования относительно взаимодействия категорий вида и залога можно задать следующие вопросы:

- 1) Есть ли в Вашем языке категории вида и залога?
- 2) Если эти категории есть, то как они взаимодействуют друг с другом?
- 3) Существуют ли аспектуальные различия у разных залоговых форм?
- 4) Если такие различия есть, то в чем они заключаются?

IV.4. Взаимодействие категории вида с граммемами лица/числа

Можно полагать, что категории вида и лица/числа не зависят друг от друга и, соответственно, тривиально взаимодействуют друг с другом. Впрочем, диахронические факторы могут приводить к асимметрии в личных парадигмах у разных времен, что хорошо видно на русском (славянском) материале. Как известно, в русском языке формы прош. времени, восходящие к перфекту, не различаются по лицам, но согласуются по числу и роду (см. также сноску 4 выше). Подобные предпочтения форм прош. времени к родовому согласованию нуждаются в типологической проверке, хотя, вообще говоря, могут быть мотивированы функционально-диахроническими факторами. А. Л. Мальчуков вслед за работой [Lehmann 1982] связывает эту асимметрию с тенденцией обновления форм прош. времени за счет причастных форм; если последние имеют в (атрибутивной) позиции согласование по роду/числу, они могут его сохранять и после того как интегрируются в парадигму финитного глагола [Malchukov 2011].

Поэтому о взаимодействии этих категорий на данном этапе исследования можно задать следующие вопросы: Есть ли в Вашем языке категории вида и лица/числа? Если эти категории есть, то как они взаимодействуют друг с другом?

V. Взаимодействие залога с другими категориями

V.1. Взаимодействие категории залога с граммемами наклонения

См. раздел II.

V.2. Взаимодействие категории залога с граммемами времени

См. раздел III.

V.3. Взаимодействие категории залога с граммемами вида

См. раздел IV.

V.4. Взаимодействие категории залога с граммемами лица/числа

Можно предположить, что категории залога и лица/числа нетривиально взаимодействуют друг с другом. Известно, что в языках, где у глагола есть субъектно-объектное и субъектное спряжение, пассив переходного глагола меняет субъектно-объектное спряжение на субъектное. В то же время имперсональные пассивы ограничивают употребление лица.

Конкретное нетривиальное взаимодействие категорий залога и лица/числа можно продемонстрировать на материале русского языка. Формально лично-числовая парадигма глагольного пассива НСВ на *-ся* включает те же формы, что и лично-числовая парадигма актива, однако формы 1 и 2 л. малоупотребительны. Почему? Возвратная форма 1 и 2 л. пассивной интерпретации не имеет потому, что местоимения 1 и 2 л. занимают первое место в иерархии агентивности и, соответственно, в позиции подлежащего конкуренция между их агентивным и неагентивным (= пассивным) истолкованием естественно разрешается в пользу агентивного истолкования (см. [Храковский 1991]).

Более очевидный пример такого типа дают алгонкинские языки типа лумми, в которых конструкции с Агенсом 1 и 2 л. и Пациентом 3 л. оформляются активом, а конструкции, в которых Агента является 3-м лицом, а Пациент — 1-м или 2-м, могут быть выражены только пассивом; такие пассивы часто квалифицируются как инверсивные пассивы (*inverse passives*; см. [Croft 2001: 284—302] о «*passive-inverse continuum*»).

О взаимодействии категорий залога и лица/числа на данном этапе можно задать следующие вопросы:

- 1) Есть ли в Вашем языке категории залога и лица/числа?
- 2) Если эти категории есть, то как они взаимодействуют друг с другом?
- 3) Одинаково ли употребительны все формы в лично-числовой парадигме залоговых форм? Если есть ограничения на употребление некоторых форм в лично-числовой парадигме какой-либо залоговой формы, то чем они вызваны?
- 4) Есть ли залоговые формы, у которых есть только числовая (и родовая) парадигма, но нет парадигмы личных форм?

VI. Взаимодействие лица/числа с другими категориями

См. разделы II—IV.

11. Заключение

В заключение еще раз подчеркнем, что представленная выше анкета охватывает только наиболее распространенные грамматические категории глагола, на материале которых проиллюстрированы известные в литературе случаи нетривиального синтагматического взаимодействия. Разумеется, в отдельных языках могут быть обнаружены и другие категории. Так, во многих языках грамматикализована категория эвиденциальности (известная по описаниям Айхенвальд, Козинцевой, Плунгяна и др.), которая может нетривиально взаимодействовать с категорией лица (см. схему 3 выше), а также с категориями модальности,

времени и отрицания. В отдельных языках зона модальности членится на иллокутивные и эпистемические категории, которые сложным образом взаимодействуют между собой (как проиллюстрировано для корейского в (6); см. более полное обсуждение в [Мальчуков, Храковский 2015]). Глагольное отрицание может влиять на выражение других категорий [Aikhenvald, Dixon 1998], в частности на модальность и эвиденциальность [de Naan 2006]; в наш перечень оно не попало, поскольку грамматикализуется как глагольная категория относительно реже. В конечном счете, при описании взаимодействия глагольных категорий каждый исследователь будет исходить из их инвентаря, представленного в том или ином языке. В то же время для языков, тяготеющих к аналитизму, приведенный выше инвентарь категорий и соответствующий вопросник следует понимать как гипотезу о наиболее часто грамматикализуемых категориях. Из их числа исследователям изолирующих языков следует обращать большее внимание на наиболее грамматикализованные (частотные) показатели, поскольку именно они будут с наибольшей вероятностью демонстрировать не-тривиальное взаимодействие.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3	— лицо	PST	— прошедшее время
АН	— адресатный респектив (addressee honorific)	PFV	— перфектив
DC	— декларатив	PL	— множественное число
DIST.IMP	— императив дистантный	PRES	— настоящее время
EXCL	— эксклюзив	PROP	— пропозитив
IMP	— императив	REFL	— рефлексив
IMP.DEF	— деференциальный императив	REQ	— реквестив
INCL	— инклюзив	RETR	— ретроспектив
IND	— индикатив	SG	— единственное число
INT	— интеррогатив	SH	— субъектный респектив (subject honorific)
INT.PLN	— интеррогатив (простая/невежливая форма)		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агус Салим 1992 — Агус Салим. Повелительные конструкции в индонезийском языке // Храковский В. С. (отв. ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 227—235. [Agus Salim. Imperative constructions in Indonesian. *Tipologiya imperativnykh konstruktssii*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1992. Pp. 227—235.]
- Апресян 2004 — Апресян Ю. Д. Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике // Володин А. П. (ред.). Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 20—35. [Apresjan Yu. D. The principles of core and peripheral organization in lexicon and grammar. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike. K 70-letiyu professora V. S. Xrakovskogo*. Volodin A. P. (ed.). Moscow: Znack, 2004. Pp. 20—35.]
- Аркадьев 2015 — Аркадьев П. М. Ареальная типология префиксального перфектива. М.: Языки славянских культур, 2015. [Arkadiev P. M. *Areal'naya tipologiya prefiksals'nogo perfektiva* [Areal typology of prefixal perfective]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2015.]
- Бирюлин, Храковский 1992 — Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Храковский В. С. (отв. ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 5—50. [Biryulin L. A., Xrakovskij V. S. Imperative sentences: Problems of theory. *Tipologiya imperativnykh konstruktssii*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1992. Pp. 5—50.]
- Бондарко 1971 — Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Наука, 1971. [Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Tense and aspect of the Russian verb]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Володин 1976 — Володин А. П. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976. [Volodin A. P. *Itel'menskii yazyk* [Itelmen]. Leningrad: Nauka, 1976.]

- Глисон 1959 — Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. [Gleason H. *Vvedenie v deskriptivnuyu lingvistiku* [An introduction to descriptive linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1959.]
- Головко 1986 — Головко Е. В. Порядок следования морфем в максимальной морфологической модели алеутского финитного глагола // Скорик П. Я. (ред.). Палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1986. С. 174—179. [Golovko E. V. Morpheme sequence in the maximal morphological model of the Aleut finite verb. *Paleoaziatskie yazyki*. Skorik P. Ya. (ed.). Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 174—179.]
- Гусев 2005 — Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2005. [Gusev V. Yu. *Tipologiya spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa*. Kand. diss. [A typology of specialized verbal imperative forms. Cand. diss.]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2005.]
- Гусев 2013 — Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Gusev V. Yu. *Tipologiya imperativa* [A typology of the imperative]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Дмитренко 1998 — Дмитренко С. Ю. Глагольная группа в языках Юго-Восточной Азии (на материале кхмерского и лаосского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 1998. [Dmitrenko S. Yu. *Glagol'naya gruppya v yazykakh Yugo-Vostochnoi Azii (na materiale kkhmerskogo i laosskogo yazykov)*. Avtoref. kand. diss. [Verb group in the languages of Southeast Asia (based on Khmer and Lao). Author's abstract of the cand. diss.]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 1998.]
- Кибрик 1992 — Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Издательство Московского университета, 1992. [Kibrik A. E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya* [Essays on general and applied problems of linguistics]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1992.]
- Козинцева 1994 — Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92—104. [Kozinceva N. A. The category of evidentiality (problems of typological analysis). *Voprosy jazykoznaniya*. 1994. No. 3. Pp. 92—104.]
- Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М.: МГУ, 1980. [Kuznetsova A. I., Khelinskii E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku: Tazovskii dialekt*. [Essays on the Selkup language: The Taz dialect]. Moscow: Moscow State Univ., 1980.]
- Майсак 2005 — Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. [Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktssii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position. A typological study]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005.]
- Майсак, Татевосов 1998 — Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Вид и модальность: способы взаимодействия (на материале цахурского языка) // Чертова М. Ю. (отв. ред.). Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 265—281. [Maisak T. A., Tatevosov S. G. Aspect and modality: Ways of interaction (based on the Tsakhur language). *Tipologiya vida: Problemy, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1998. Pp. 265—281.]
- Мальчуков, Храковский 2015 — Мальчуков А. Л., Храковский В. С. Наклонение во взаимодействии с другими категориями: опыт типологического обзора. Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 7—30. [Malchukov A. L., Xrakovskij V. S. Mood in interaction with other verbal categories: A typological overview. *Voprosy jazykoznaniya*. 2015. No. 6. Pp. 7—30.]
- Маслов 1983 — Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Недялков В. П. (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. С. 41—54. [Maslov Yu. S. Resultative, perfect, and aspect. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktssii*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983. Pp. 41—54.]
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998. [Melčuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [A course in general morphology]. Vol. 2. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury; Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 1998.]
- Мельчук 2001 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 4. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. [Melčuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [A course in general morphology]. Vol. 4. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury; Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.]
- Недялков 1983 — Недялков В. П. (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. [Nedyalkov V. P. (ed.). *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktssii* [A typology of resultative constructions]. Leningrad: Nauka, 1983.]
- Недялков, Сильницкий 1969 — Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Холодович А. А. (ред.). Типология каузативных конструкций.

- Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 20—50. [Nedyalkov V. P., Sil'nitskii G. G. A typology of morphological and lexical causatives. *Tipologiya kauzativnykh konstrukttsii. Morfologicheskii kauzativ*. Kholodovich A. A. (ed.). Leningrad: Nauka, 1969. Pp. 20—50.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Пупынин 1996 — Пупынин Ю. А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // Бондарко А. В. (отв. ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1996. С. 43—60. [Pupynin Yu. A. Grammatical categories of the Russian verb in their paradigmatic and functional relations. *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1996. Pp. 43—60.]
- Ревзин, Пинес 1969 — Ревзин И. И., Пинес В. Я. Описание морфологической структуры азербайджанского глагола с помощью грамматики порядков // Исенгалиева В. А. (отв. ред.). Статистическое и информационное изучение тюркских языков (тезисы докладов и сообщений). Алма-Ата: Ин-т языкознания АН Казахской ССР, 1969. С. 19—24. [Revzin I. I., Pines V. Ya. A description of the Azerbaijanian verb morphological structure using positional grammar. *Statisticheskoe i informatsionnoe izuchenie tyurkskikh yazykov (tezisy dokladov i soobshchenii)*. Isengalieva V. A. (ed.). Alma-Ata: Institute of linguistics, Academy of Sciences of Kazakh SSR, 1969. Pp. 19—24.]
- Храковский 1990 — Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола: опыт анализа // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18—36. [Xrakovskij V. S. Interaction of grammatical categories of the verb: An attempt of analysis. *Voprosy jazykoznanija*. 1990. No. 5. Pp. 18—36.]
- Храковский 1991 — Храковский В. С. Пассивные конструкции // Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 141—180. [Xrakovskij V. S. Passive constructions. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1991. Pp. 141—180.]
- Храковский 1992 — Храковский В. С. (отв. ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. [Xrakovskij V. S. (ed.). *Tipologiya imperativnykh konstrukttsii* [A typology of imperative constructions]. St. Petersburg: Nauka, 1992.]
- Храковский 1996 — Храковский В. С. Грамматические категории глагола: опыт теории взаимодействия // Бондарко А. В. (отв. ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 22—43. [Xrakovskij V. S. Grammatical categories of the verb: An essay on interaction theory. *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1996. Pp. 22—43.]
- Храковский, Володин 1986 — Храковский В. С., Володин А. П. Типология императивных конструкций: русский императив. Л.: Наука, 1986. [Xrakovskij V. S., Volodin A. P. *Tipologiya imperativnykh konstrukttsii: russkii imperativ* [A typology of imperative constructions: The Russian imperative]. Leningrad: Nauka, 1986.]
- Храковский и др. 2008 — Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. Грамматика акциональных классов // Бондарко А. В. (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб.: Наука, 2008. С. 49—114. [Xrakovskij V. S., Malchukov A. L., Dmitrenko S. Yu. The grammar of actional classes. *Problemy funktsional'noi grammatiki. Kategorizatsiya semantiki*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2008. Pp. 49—114.]
- Якобсон 1972 — Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Успенский Б. А. (отв. ред.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95—113. [Jakobson R. O. Shifters, verbal categories, and the Russian verb. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*. Uspenskij B. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1972. Pp. 95—113.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Aikhenvald 2010 — Aikhenvald A. Yu. *Imperatives and commands*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Aikhenvald, Dixon 1998 — Aikhenvald A. Yu., Dixon R. M. W. Dependencies between grammatical systems. *Language*. 1998. Vol. 74. No. 1. Pp. 56—80.
- van der Auwera et al. 2004 — van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V. A semantic map for imperative verbs-hortatives. *Contrastive analysis in language: Identifying linguistic units in comparison*. Willems D., Defrancq B., Coleman T., Noel D. (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2004. Pp. 44—69.

- van der Auwera et al. 2009 — van der Auwera J., Malchukov A., Schalley E. Thoughts on (im)perfective imperatives. *Form and function in language research. Festschrift for Christian Lehmann*. Helmbrecht J., Nishina Y., Shin Y.-M., Skopeteas S. (eds.). Berlin: Mouton, 2009. Pp. 93—107.
- Bache 1995 — Bache C. *The study of aspect, tense and action: Towards a theory of the semantics of grammatical categories*. Frankfurt: Peter Lang, 1995.
- Bisang et al. 2004 — Bisang W., Himmelmann N. P., Wiemer B. (eds.). *What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Bohnenmeyer, Swift 2004 — Bohnemeyer J., Swift M. Event realization and default aspect. *Linguistics and Philosophy*. 2004. Vol. 27. Pp. 263—296.
- Breu 1994 — Breu W. Interactions between lexical, temporal and aspectual meanings. *Studies in language*. 1994. Vol. 18. No. 1. Pp. 23—44.
- Bybee 1985 — Bybee J. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Cinque 2006 — Cinque G. *Restructuring and functional heads*. (The cartography of syntactic structures, Vol. 4.) New-York: Oxford Univ. Press, 2006.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Cowell 1964 — Cowell M. W. *A reference grammar of Syrian Arabic*. Washington: Georgetown Univ. Press, 1964.
- Croft 1990 — Croft W. *Typology and universals*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
- Croft 2001 — Croft W. *Radical Construction Grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- Croft 2003 — Croft W. *Typology and universals*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Curnow 2003 — Curnow T. J. Non-volitionality expressed through evidentials. *Studies in Language*. 2003. Vol. 27. No. 1. Pp. 39—60.
- Davies 1986 — Davies E. *The English imperative*. London: Croom-Helm, 1986.
- Dik 1997 — Dik S. *The theory of functional grammar*. 2 vols. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.
- Greenberg 1966 — Greenberg J. *Language universals. With special reference to feature hierarchies*. The Hague: Mouton, 1966.
- de Haan 2006 — de Haan F. Typological approaches to modality. *The expression of modality*. Frawley W. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 27—69.
- Haspelmath 2006 — Haspelmath M. Against markedness (and what to replace it with). *Journal of Linguistics*. 2006. Vol. 42. No. 1. Pp. 25—70.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies. *Language*. 2010. Vol. 42. No. 4. Pp. 663—687.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Hengeveld, Mackenzie 2008 — Hengeveld K., Mackenzie J. L. *Functional Discourse Grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Hinzen, Werning 2012 — Hinzen E. M., Werning M. *The Oxford Handbook of Compositionality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Hopper, Traugott 2003 — Hopper P. J., Traugott E. C. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Jakobson 1957 — Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. *Selected writings. Vol. 2: Word and language*. The Hague: Mouton, 1957. Pp. 130—147.
- Johanson, Utas 2000 — Johanson L., Utas B. (eds.). *Evidentials. Turkic, Iranian and neighboring languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
- Kulikov 2001 — Kulikov L. *The Vedic -ya- presents*. PhD thesis. Leiden: University of Leiden, 2001.
- Lehmann 1982 — Lehmann C. *Thoughts on grammaticalization*. München: Lincom Europa, 1982.
- Malchukov 2001 — Malchukov A. L. Imperative constructions in Even. *Typology of imperative constructions*. Xrakovskij V. S. (ed.). Munich: Lincom Europa, 2001. Pp. 159—180.
- Malchukov 2004 — Malchukov A. L. *Nominalization/Verbalization: Constraining a typology of transcatégorial operations*. München: Lincom Europa, 2004.
- Malchukov 2009 — Malchukov A. L. Incompatible categories. Resolving the “present perfective paradox”. *Cross-linguistic semantics of tense, aspect and modality*. Hoegeweg L., de Hoop H., Malchukov A. L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 13—31.
- Malchukov 2011 — Malchukov A. L. Interaction of verbal categories: Resolution of infelicitous grammeme combinations. *Linguistics*. 2011. Vol. 49. No. 1. Pp. 229—282.

- Malchukov 2014 — Malchukov A. L. Constraining syntagmatic grammeme interaction: A synopsis. *Acta Linguistica Petropolitana: Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2014. Vol. X. No. 3 (Festschrift for V. S. Xrakovskij). Pp. 423—451.
- Michaelis 2004 — Michaelis L. A. Type shifting in Construction Grammar: An integrated approach to aspectual coercion. *Cognitive Linguistics*. 2004. Vol. 15. No. 1. Pp. 1—67.
- Miestamo 2005 — Miestamo M. *Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Nedjalkov 1988 — Nedjalkov V. P. (ed.). *Typology of resultative constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Pustejovsky 1995 — Pustejovsky J. *The Generative Lexicon*. Cambridge (MA): MIT Press, 1995.
- Rizzi 2004 — Rizzi L. *The structure of CP and IP*. (The cartography of syntactic structures, Vol. 2.) New-York: Oxford Univ. Press, 2004.
- Saltarelli 1988 — Saltarelli M. *Basque*. London: Routledge, 1988.
- Schalley 2008 — Schalley E. *Imperatives: A typological approach*. PhD thesis. Antwerpen: University of Antwerpen, 2008.
- Smith 1997 — Smith C. S. *The parameter of aspect*. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer Academic Press, 1997.
- Sohn 1994 — Sohn Ho-Min. *The Korean language*. London: Routledge, 1994.
- Taylor 1985 — Taylor C. V. *Nkore-Kiga*. London: Croom Helm, 1985.
- Thieroff 2010 — Thieroff R. Moods, moods, moods. *Mood in the languages of Europe*. Rothstein B., Thieroff R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 1—29.
- Tiersma 1982 — Tiersma P. M. Local and general markedness. *Language*. 1982. Vol. 58. No. 4. Pp. 832—849.
- Van Valin 2005 — Van Valin R. D., Jr. *Exploring the syntax-semantics interface*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Van Valin 2010 — Van Valin R. D., Jr. Role and Reference Grammar as a framework for linguistic analysis. Heine B., Narrog H. (eds.). *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 703—738.
- Willet 1988 — Willet T. A cross-linguistic survey of grammaticalization of evidentiality. *Studies in Language*. 1988. Vol. 12. No. 1. Pp. 51—97.
- Xrakovskij 2001 — Xrakovskij V. S. (ed.). *Typology of imperative constructions*. Munich: Lincom, 2001.
- Xrakovskij 2014 — Xrakovskij V. S. Hierarchy and interaction of Russian verb categories (Aspect, tense, mood). *Scando-Slavica*. 2014. Vol. 58. No. 1. Pp. 49—76.

Статья поступила в редакцию 10.04.2016.